

Стрелка указывает на юг

/Рассказывает Менорка/

Девочка с именем острова

Как вы думаете, люди с большой земли, какого это родиться и жить вот почти уже четырнадцать лет на небольшом острове? Который можно проехать от восточного берега до западного всего за пару часов. Когда ты живешь на кусочке земли 695.7 квадратных километров, омываемом со всех сторон морем, в туристический сезон население острова увеличивается в десять раз. А все твои друзья к седьмому классу переезжают на материк, чтобы учиться в средней школе с перспективами, а в классе остаются одни тупицы-киборги, сросшиеся со смартфонами... Представили? Нет! Сейчас я вам расскажу.

Мои родители пламенные патриоты нашего маленького острова назвали меня в его честь! Менорка! Слышали? Один из четырех Балеарских островов. Не такой известный, как Ибица и не такой большой, как Майорка. В ясную погоду с восточного побережья хорошо видно впечатляющий силуэт острова-соседа. Но и не такой маленький, как Форментера.

Моё среднее имя — Каталония, здесь в Испании приняты двойные имена. Каталония в честь автономной области, к которой относится наш остров. Не такое уж распространенное имя для девочки Менорка Каталония Гонсалес Кастанеда, можно просто Нора. Между прочим, Норой величали наш остров финикийцы, что означает «остров огней». Вот такой абсурд: живет на острове Менорка в Каталонии девочка по имени Менорка Каталония. Спасибо бурной фантазии и патриотическим чувствам родителей. Фамилии тоже две, потому что одну испанцы получают от отца, а вторую от матери. Внукам же достаются как правило фамилии дедов.

Через неделю мне исполнится четырнадцать, и это долгожданное событие, потому что мне подарят смартфон, и закончится моя социальная изоляция, я смогу громко заявить о себе на весь мир. Я буду переписываться с Леной и Мигелем, заведу блог, научусь создавать качественный материал и стану суперизвестной. Может тогда мои одноклассники вдруг осознают и

заметят, что в их классе учится звезда мировой величины. Тут уж не спутаешь, ведь не каждую вторую зовут Менорка. И за что мне такое счастье?

Летом мы с мамой живём в доме бабушки и дедушки, а нашу маленькую ухоженную виллу у моря сдаем туристам. Все деньги с этого прибыльного дельца мама откладывает на моё образование. Ближе к октябрю, когда закончится туристический сезон, мы снова въезжаем в наш уютный домик с умопомрачительными видами из окон.

Моя мама потрясающая, я её очень люблю, она настоящий верный друг, хоть и немного странноватая. Элеонора Карина Кастаньеда Родригес — художница, председатель феминистической организации Каталонии. Недавно они с соратницами добились права купаться в общественных бассейнах топлес. «Мужчины ходят с обнажёнными торсами, почему мы должны прикрываться? Мы боремся за права женщин, чтобы сбросить тяжкое бремя мужского ига, чтобы восхищаться и гордиться своим телом, не изнуряя себя диетами. Мы должны нравиться себе, а не мужчинам, уважать себя, а не унижаться, подстраиваясь под навязанные требования социума! Обнажаясь, мы принимаем себя такими какие есть, философия боди позитива. Мы не призываем всех оголять грудь. Нет! Мы боремся за то, чтобы у женщин был выбор. Хочешь прикрывай, а хочешь подставляй своё тело под теплые солнечные лучи. Стесняться себя и своего тела нас заставили мужчины. Их смущают выпуклости и соски? А нас их соски, в мохнатых зарослях не должны смущать?» — возмущалась каждый раз мама. «Я читала, что загорать вредно, ультрафиолет может вызвать рак кожи,» — вставила я свои пять песет сомнения. Мама лишь фыркнула: — «Мы каталонцы, солнце у нас в крови!» Ну, вы поняли, с мамами спорить бесполезно.

Каждый вечер мама продает акварельные рисунки и принты на набережной. Самая популярная её работа — «Начало начал» художественное изображение матки. Матка с придатками и яичниками по центру, а вокруг тропические цветы. «Испокон веков органом плодородия считался мужской член. Сходи в музей, истуканы древних цивилизаций, картины, скульптуры. Не справедливо! Истина, как правило, скрыта от глаз. Вот чему обязано всё человечество. Матка — самый удивительный орган. Объем матки к концу беременности увеличивается в пятьсот раз, вес — в двадцать пять. Это без преувеличения — настоящее чудо! Именно здесь из двух клеток появляется

человек — вершина эволюции. Матка — это начало начал! Все мы должны помнить откуда явились в этот мир.»

Говорят, мы с ней очень похожи внешне. Загорелые, пластичные, длинные вьющиеся густые волосы, цвета мокрого песка. Тот же любопытный детский взгляд широких бледно-голубых глаз, вздернутые тонкие носики. Качающаяся походка, будто только сошли с корабля, проведенного год в море. Но темпераменты у нас с ней сильно отличаются. Бабушка любит ворчать, что я застенчивая, потому что мама всегда заполняет собой всё пространство, а я расту в её тени. Но это не так. Мама очень эмоциональная, переживания полностью захватывают её, и выливаются через край. А я медленно «перевариваю» происходящее, люблю обдумать, поварить мысли в тишине.

Иногда бабушка тревожится, что у меня мало друзей. «Что бы я делала без своих «девочек»? С твоим дедом с ума от тоски сойти можно!» — причитает она. И правда, каждую среду и субботу бабушка встречается по утрам в кондитерской с подругами, они пьют кофе, оживленно беседуют, шутят, заразительно смеются. И как только им удалось пронести дружбу сквозь столько лет?

На данный момент на острове нет ни единого друга, не считая мамы, конечно. Лена и Мигель мои бывшие одноклассники, брат и сестра близнецы, месяц назад с родителями переехали в Барселону, получать качественное образование. И я очень по ним скучаю.

День сегодня выдался жарким. Небо слепило голубизной. И местные спрятались от жары в глиняных домиках с белой побелкой и черепичными крышами. Мы с мамой старательно готовили дом, вечерним рейсом прилетают жильцы из Норвегии. Они сняли нашу виллу на месяц. Если честно, я даже не представляю, что здесь можно делать целый месяц? Прогуляться по набережной? Поужинать в ресторанчике свежайшими морепродуктами? Пройтись по сувенирным магазинчикам, по узким улочкам центральной исторической части Цитадели, зайти в музеи, любой из четырех или во все по очереди, главное не промахнуться с часами работы. Полюбоваться крепостью, маяками, смотровой башней Castell de Sant Nicolau (Кастель-де-Сан-Николау). Съездить на дикие пляжи, Менорка с 1993 года объявлен ЮНЕСКО биосферным заповедником. Итак, на все это уйдет неделя максимум. А потом ещё три недели то же самое, как день сурка?

Лично я, чтобы не сойти с ума от скуки и однообразия, обожаю наблюдать за туристами, они часто меняются. Скандинавов и британцев заметно сразу, их бледная кожа, непривыкшая к солнцу, краснеет на второй день. А вот обласканные солнцем французы и испанцы, уезжают почти такими же смуглыми, как и приехали, только добавляется от морской соли шоколадный лоск.

Я закончила с кроватями, застелила свежие простыни, повесила белые полотенца. Мама прикрепил маленькие наклейки с ценами на свои картины, развешанные на стенах. «А что? Картины с ценами отлично работают,» — сказала мама. «Люди отдыхают, мои картины сливаются с пейзажем, с прекрасными воспоминаниями об отпуске, о путешествии в другую страну и культуру и им хочется купить, увезти к себе на родину частичку нашей солнечной Менорки. Не улыбайся, так, Нора. Мы живем только на деньги с моих картин...» «А деньги со съема откладываем на учебу! Спасибо мама, ты не даешь мне об этом забыть хоть на минуту.» Элеонора засмеялась: «Да, материнство и забота о ребенке превращает меня в старую ворчливую каргу.» «Всё готово. Наш дом как с картинки. Мне даже чуточку обидно, что сами мы живем в этом же помещении семь месяцев в году, но в безобразном бардаке.» — грустно вздохнула мама. «Последний штрих,» — подмигнула она и поставила на стол бутылку местного белого сухого вина с открыткой. «Гостеприимство наша марка, и пять звезд в отзывах на Airbnb.» Я потрясла кулачком с большим палец вверх. Что тут добавить? Гений маркетинга эта Элеонора Карина. «Брошюру из папиного ресторана тоже положила?» — спросила я. «Ах, да. Спасибо, что напомнила. Рекламой надо расплачиваться за твои бесплатные обеды.» «Он мой отец и бесплатные обеды входят в его отцовские обязанности.» — возразила я.

Мой пап Эдуардо Рафаэля Гонсалес Гарсия — ресторатор. «El Horno» «печка» уютное местечко, спрятанное в лабиринте узких улочек, мощенных камнем. Ресторанчик со средиземноморской кухней, приветливым персоналом и приемлемыми ценами. Мои родители никогда не были женаты. Но Эдуардо замечательный папа, насколько это возможно в наших условиях. И я его тоже очень люблю. Когда я была маленькой он возил меня на яхте ловить кальмаров. Строил со мной башенки из камней. Мы ездили на выходные в Барселону в музей Пикассо, парк Гуэль, дом ля педрера — каменоломня, ещё его называют каса Мила, непонятое и непризнанное

современниками автора произведение архитектуры. Папа показал мне собор святого семейства Саграду Фамилию великого архитектора Антонио Гауди. Вы можете себе представить, что, начиная строительство храма, архитектор понимал, что при жизни не увидит свое творение. Собор святого семейства планировали достроить к 2026 году, к столетию со смерти Гауди. Но пандемия вмешалась и тут, приостановив дело, ведь строительство полностью идет с денег за билеты. Я была сильно поражена, восхищалась с вытаращенными глазами масштабом города, и величием человеческого дарования. «Не страна делает людей великими, а талантливые трудоголики делают великой страну. Сальвадор Дали, Антонио Гауди, Антони Тáпиес, Монсеррát Кабальé, Пáбло Казáльс-и-Дефильó и другие известные каталонцы прославляют нашу родину на весь мир. И мы должны помнить и почитать их.» — папу распирало от гордости. Звезда на его футболке символизировала свободный дух каталонца сепаратиста. Ничего странного в том, что мои родители так помешаны на борьбе за независимость, нет. На протяжении истории Менорка ни раз переходила из рук в руки. Долгое время островом владели британцы, память об этом сохранилась в английских словах островного диалекта и в окнах с раздвижными переплётami. Потом несколько раз переходила из рук в руки между Францией и Англией, пока не вошла в окончательный состав Испании. Я смотрела на папу, а в голове мамин голос пел песенку *«my lover has no power, he has a strong believes...»*

Я отлично представила их первую встречу на площади среди толпы, где люди собрались отстаивать права и свободу. На фоне этих двух отчаянных борцов я выгляжу особенно тускло, вялая медуза, без целей и планов. Я даже не знаю кем хочу стать. Хотя я абсолютно уверена в своем стремлении покинуть Менорку и объездить весь мир. Да и Федерика — папина пассия тоже абсолютно приземленная особа. С ней у нас теплая искренняя дружба. Я даже называю ее анти-мама, как-то папа пошутил, что Федерика полная мамина противоположность. И мне следуют называть ее анти-мама. Мы долго смеялись, но прозвище привязалось. И мне даже нравится, кажется, Федерике тоже.

Мама домыла пол. Я протерла пыль с полок. Вилла готова встретить постояльцев чистотой и блеском. Элеонора закрыла дверь на кодовый замок. И мы вышли из дома довольные проделанной работой, даже не представляя, как эта семейка из Норвегии перевернет наш мир с ног на голову.

Мам не выбирают

Мама влетела в комнату, бросилась ко мне, мне даже показалось, что она проглотила бомбу и вот-вот взорвётся!

«Ура! Луис Рубиалес глава испанского футбола подал в отставку!» — она сжала меня в крепких объятьях. Я пискнула, но вдохнуть смогла лишь, когда мамина хватка ослабла.

«Какие же они молодцы! Восемьдесят футболисток заявили, что не будут выступать за сборную, пока он не уйдёт. А Эрмосо, которую он поцеловал без спросу на церемонии награждения, подала заявление в прокуратуру. Видишь, девочка моя, в женской солидарности огромная сила, мы должны сплотиться и отстаивать наши права вместе. И защищаться вместе. Каков нахал Рубиалес, не желал уходить и собирался «бороться до конца»! Чао! Если родители тебя не научили уважать женщин, мы научим!»

Элеонора принялась танцевать, босые пятки тихо шлепали по прохладной плитке, она кружилась, её распущенные волнистые волосы качались, искрясь в свете закатного солнца. Я восхищалась испанками, и мамой особенно, ощущала в себе часть этой несокрушимой невидимой женской силы. Мы не дадим себя в обиду! Нет! Нет! Нет!

«Ой, чуть не забыла.» — Элеонора развела руками. Она всегда жестикулировала, особенно яростно, когда говорила о том, что ее волнует. — «Представляешь, наши жильцы, туристы из норвежского городка Хаммарь. Понятия не имею, где это,» — глупо хихикнула она. — «Так вот, это разведённый мужчина с дочерью, которой...» — Элеонора пропела последнее слово и застучала руками по столу, изображая барабанную дробь, — «пятнадцать лет! Так вот,» — рассказчица снова изобразила безразличную интонацию диктора. — «гости спрашивают, нет ли тут желающего подростка, гида, который бы был рад показать девочке округу. О! сказала я,» — Элеонора заголосила тонким голосом, — «моя дочка Менорка, а-ха-ха-ха, да её зовут как этот чудесный остров, и она не менее замечательная девочка, мы зовем её Норой, думаю с радостью согласится, тем более кому-то не помешает попрактиковать английский? Так, что думаешь? Ты же не против?

— мамино лицо приняло убойное щенячье выражение, она сложила ладони и умоляюще потрясывала ими перед моим носом.

«Мам, а тебе не кажется, что такой примитивный флирт с мужчиной противоречит теории о независимости женщин?» — съехидничала я.

«Ха! Да-да-да! Бежим скорее в муниципалитет, немедленно не секунды, я впишу в твоих документах Сарказм третьим именем,» — подхватила мама. «Не смешно, мне и первых двух имен достаточно, чтобы постоянно оправдываться и объясняться.» «Ларс (так зовут мужчину) как я поняла, фрилансер, они с дочерью приехали сменить обстановку, он работает из дома, а девочке, как же её зовут? Ах, вылетело из дырявой башки.» — Элеонора постучала по макушке, но имя так и не вспомнила. «Ой, сейчас перечитаю сообщение.» — Глаза Элеоноры заметались по экрану телефона. «Тейя, точно, твою будущую подружку зовут Тейя! Сейчас запишу её номер.» «С чего ты взяла что мы подружимся? И твой дырявый котелок забыл ещё один маленький нюанс, у меня нет смартфона.» — я почувствовала себя дерзкой оторвой, шершавым подростком, перечащим матери, но в душе все пело и сжималось от страха одновременно. «Но уже послезавтра,» — мама опять пропела последнее слово, что за манера такая? «Послезавтра...» — и её глаз нервно задергался. «Тебе нужно следить за режимом сна, у тебя нервный тик, глаз дергается!» «Он, не дергается, я подмигиваю, потому что после завтра у кого-то день рождения! Кто-то уже совсем взрослый.» «Кто-то взрослый, и это точно не ты, можешь, пожалуйста, разговаривать со мной нормально? Мне не пять лет.» «Прости, девочка моя, похоже это серьезнее, чем я думала. Веду себя, как идиотка, неужели влюбилась. Не может быть!» — Волна смеха откуда-то из глубины грудной клетки накатила и накрыла Элеонору полностью. Она смеялась, схватившись за живот. Я подошла к ней, обеспокоенно наблюдая: «Мам, ты в порядке?» «Не волнуйся, Нора. Все нормально. Какая любовь? Мне уже за сорок. Скорее всего это предвестники климакса.» — она обреченно выдохнула, и смех растаял быстро, как снежинка на теплой ладони.

«Держи мой телефон, пригласи Тейю на день рождения в ресторанчик к Эдуардо, и предупреди, что это мой номер, я хочу избежать неловкости, читая чужую переписку.» — она протянула мне свой старый телефон с трещиной на экране.

Я смотрела на эту красивую женщину, с затаившимися морщинками в уголках глаз. Безумно смелую, ведь она не боится выглядеть глупой или слабой, не разучилась доверять людям. Открытая и прямолинейная, иногда даже чересчур. Она ценит свою независимость, но уважает свободу других. Почему бабушка переживает, что у меня мало подруг? Ведь моя самая любимая подруга — мама.

«Что вы тут расшумелись?» — озабоченное лицо бабушки Марии появилось в дверном проеме. «Луис Рубиалес подал в отставку, мама» — сказала Элеонора.

«Ах, вчерашние новости. Мы уже это обсудили с «девочками» утром в кафе. Конечно, мы поддерживаем футболисток. Хотя Карла сказала, что понимает чувства спортсменок, но лично она не переживала бы сильно и не подала бы в суд, если Луис поцеловал её в губы. На что я ей посоветовала переживать за то, чтобы во время поцелуя с Луисом не вылетела её вставная челюсть!» — бабушка Мария засмеялась над собственной шуткой, как минимум второй раз. И я подумала, как мне отчаянно повезло родиться в семействе Кастанеда, всем по женской линии в нашем роду подошло бы третье имя — Сарказм.

День рождения

Я проснулась от звона посуды, громкого шёпота и суматошной возни на кухне. Ах, да — мой день рождения. В нашей семье есть прекрасная традиция приносить именинику завтрак в постель. И я лежу, делая вид, что их «тихие» тайные приготовления меня не разбудили. Я лежу в кровати, и терпеливо жду, а так хочется вскочить, открыть подарок, пить и танцевать. Мне четырнадцать. Внезапно затянул низ живота, знакомая ноющая тягучая боль. Ой, только не это. Месячные начались у меня примерно год назад, потом их не было пару месяцев, и я очень переживала, что могла забеременеть в море или бассейне, кто ж знает этих мужчин, тем более у нас на пляжах полно нудистов — El natural. Перепугавшись, я не заходила в воду даже, когда месячные вернулись. Страхами я поделилась с мамой не сразу, она выслушала серьезно, попыталась успокоить, а потом мы вместе гуглили «можно ли забеременеть в воде?». Но, эксперты во всезнающем интернете

меня успокоили, сперматозоиды не живут в хлорированной или соленой воде. «Уф, отлегло,» — выдохнула тогда мама. «Странно, почему меня этот вопрос никогда не волновал. Наверное, потому что бабушка проводила со мной беседы «по-женски». Ах, дева Мария, я никудышная мать.» Сразу после нашего разговора мама побежала в единственный книжный магазин в нашем городе и накупила книг про половое созревание, учебник по анатомии и энциклопедию про эволюцию человека. «Изучай, и конечно, же вот вкладка с приватным браузером на компьютере, ты можешь спрашивать интернет о всем, что тебя беспокоит. Только не налегай на порно, там много вирусов, я про компьютерные. И ко мне подходи, не стесняйся, в любое время.» — Элеонора явно гордилась собой в этот момент. Она доброкачественно исполнила материнский долг. «Спасибо, мама,» — улыбнулась я тогда.

И, где же поздравляющие? Если начались красные дни календаря, мне не стоит залёживаться в кровати. Путь в ванную комнату пролегал через гостиную и кухню. Я вскочила, накинула халат и проскакала мимо озадаченных родственников. «Я сделаю вид, что не видела и не слышала, как вы тут готовитесь. Но мне очень срочно,» — прокричала, захлопывая дверь уборной.

«Это все ты, старый хрыч. Нечего было так орать!» — проворчала бабушка. «Но я молчал,» — оправдывался дедушка. «Вот именно, мог бы молчать тише,» — огрызнулась мама. «О демоны, эти женщины. Я сойду с ума с ними, когда уже ты выйдешь замуж Элеонора? Половина брани досталась бы и твоему мужу тоже.» — прошептал дедушка. «Опять началось,» — вздохнула мама. «Давай поспорим, если я выйду замуж, вообще, когда-нибудь, теоретически,» — уточнила она, — «то ты нарядишься человеком пауком на торжество.» «Идёт,» — согласился довольный дед. «Я свидетель, Алехандро, ты пообещал,» — хихикнула бабушка. «Отлично, теперь осталось дело за малым найти простака, который решиться на мне жениться.» «И раздобыть костюм человека паука, чтобы подошел мне по размеру,» — дедушка похлопал по круглому животу. «Почему вы шепчетесь?» — спросила я, выходя из ванной. Подозрения оправдались, месячные пришли, как обидно, в мой день рождения. Что за лажа?

«Иди скорее в кровать, Нора. И претворись, что спишь!» — скомандовала мама. «Оке-е-е-ей» — я закатила глаза, но тут вспомнила про

обещанный подарок, и добавила. «Конечно, конечно, спасибо мои любимые,» — пролепетала я.

Я забралась под одеяло и крикнула: «Всё готово, я сплю.» Дверь тут же распахнулась и трое из семейства Кастанеда хором запели: «С днем рождения тебя,

С днем рождения тебя,
С днем рождения, Нора,
С днем рождения тебя.»

Мама несла на подносе тост с авокадо и круассан, в который были воткнуты горящие свечи 1 и 4. А в руках у бабушки была заветная коробка с телефоном. Дедушка, улыбаясь, протягивал букет персиковых лилий сорта Менорка. «Символ чистоты и нежности,» — проворковал он в густые усы. Я представила его в костюме человека паука и засмеялась. Воображение смогло хоть и с трудом нарисовать деда в костюме супергероя, но вот представить маму в подвенечном наряде я никак не могла.

«Загадай желания, деточка,» — напомнила бабушка Мария. Ах, да! Желание. Что же загадать, времени было не много, телефон практически у меня в кармане. Что же пожелать? Я посмотрела на маму, она смотрела на меня с такой любовью, что мне искренне захотелось, видеть её счастливой и ... «Чтобы мама встретила свою true love, любовь на всю жизнь.» Я дунула и свечи погасли.

А дальше все было как во сне, я открыла коробку, там новый айфон. Мама, бабушка, дедушка, Эдуардо и Федерика, бабушка с дедушкой по папиной линии, и даже тетушка Альба вложили немалую сумму, чтобы купить мне такой желанный, такой дорогой подарок. «Спасибо,» — глаза предательски защипало, и слезы не то гормоны, как никак первый день цикла, не то безграничная благодарность Вселенной за этих замечательных, любящих меня людей. Я рыдала, и рыдала. «От счастья,» — хлюпая носом, объяснила я растерявшимся родным.

«Наслаждайся подарком, только к пяти будь готова, мы идем в «Печку» на праздничный ужин. Эдуардо и Федерика забронировали нам столик.» — напомнила мама.

«Угу», — ответила я, создавая аккаунт в Тик Токе.

«Привет, Тейя. Это Нора. Мне подарили телефон, теперь я могу с тобой переписываться напрямую.» — я написала на английском и проверила на всякий случай в онлайн переводчике.

«Привет Нора. Я очень рада. Спасибо, что пригласила на свой день рождения. До встречи в кафе.»

«Увидимся.» Когда я написала Tee: «See you later», мне вспомнились детские фразы «see you later alligator» и «easy peasy lemon squeezy». Надо как-нибудь использовать. Английский мы учим в школе, но свободно понимать и говорить по-английски меня научила анти-мама. Федерика, папина подружка, — лингвист, и она мечтает переводить на каталонский язык ее любимые английские книги. «Что бы перевести книги недостаточно хорошо знать два языка. Надо быть писателем, ведь ты автор перевода, ты даришь соотечественникам всю красоту литературы другого автора, другого языка. Это магия. Магия слов.» — вдохновенно говорила Федерика.

В те выходные, когда Элеонора уезжала «устраивать личную жизнь» в Барселону, или по общественной феминистической деятельности. Я оставалась с папой и анти-мамой. Федерика читала мне «Гарри Поттера» в оригинале и тут же переводила, пока однажды я не начала понимать самостоятельно. И мне казалось, что я — маленькая ведьма, а Федерика учит меня секретному языку волшебников, который многие каталонцы-маглы не понимают. И вот-вот, я получу письмо из Хогвартса и уеду в Англию.

В кафе мы пришли на полчаса раньше, но Ларс и Тейя уже сидели на угловом диванчике за столиком с табличкой «зарезервировано», и оживленно изучали английский вариант меню. «С днем рождения, Нора. Как подарок? Угодили? Федерика ездила за ним на пароме в Барселону. Ваши гости уже здесь» — улыбнулся папа. «Прошу!» — Жестом он указал на сдвинутые три столика в углу зала. Зал был практически пустой, несмотря на прохладу от кондиционера, туристы предпочитали ужинать на улице. «Спасибо, папа. Телефон отпадный. Там столько всего!» — пробормотала я. «Я рад, что мы угодили с подарком, хотя Элеонора не оставила нам выбора, если по чесноку,» — подмигнул он.

Именно тогда я впервые увидела эту парочку. Тейя была чуть выше меня ростом, длинные светлые волосы, голубые глаза, как скандинавская эльфийская принцесса. А Ларс совершенно не был похож на дикого викинга и на отца-короля эльфов тоже. Он был чуть выше Эдуардо, волосы цвета

молочного шоколада, круглые чуть выпуклые глаза, нос картошкой. Такой добрый тролль. Поразительно, подумала я в тот момент. Они точно родственники?

«Привет, Ларс, спасибо, что нашли время и присоединились к нашему семейному празднику. Это моя девочка, Нора,» — Элеонора любезничала, как могла, используя природный шарм и все свои познания в английском.

«Спасибо, что пригласили, это моя дочь Тейя,» — акцент Ларса показался мне экзотическим, редким для уха, от него веяло северным мшистым ветерком и рокоchущим водопадом.

Вскоре к нам присоединились Федерика, бабушка Долорес и дедушка Пабло, родители папы Эдуардо. Сначала все держались скованно, но после бутылки меноркского вина с винодельни Долорес и Пабло, разговор на английском и примесью каталонского потек ручьем. Гости разделились на группки: бабушки с дедушками загладели о своем, родители дружелюбно спрашивали Ларса о его жизни в Норвегии и рассказывали о себе. Ларс шутил и довольно быстро покори́л всех чувством юмора и простотой. Мы сидели с Теей молча, вглядываясь в меню и прислушиваясь к разговору взрослых.

«Что будете заказывать, Нора?» — вежливо спросил Илья. Услышав, как он произносит моё имя, я онемела. Ведь Илья — мой краш. Вот уже полгода он работает официантом в «Печке». Спасибо анти-маме, я выведала про него немного информации. Ему шестнадцать, он с мамой и братьями переехал в Испанию из Беларуси в 2020 году. У них там были протесты, репрессии и многим пришлось покинуть страну. Я не вникала в подробности, надеюсь, он мне сам все однажды расскажет. У Ильи русые волосы, серые глаза, грустные, как небо над морем в пасмурный день. И смущенная робкая улыбка, которая меня просто парализует. Вот и сейчас, он произнес моё имя, и я не в силах произнести ни слова. «Э-э-э!» Я тыкнула указательным пальцем в меню на рыбу дня. «Отличный выбор. С днем рождения, Нора.» — он улыбнулся, и сердце как будто с хлопком лопнуло внутри меня, кипятки растеклись по животу. Я открыла рот, но как рыба на суше безмолвно открывала и закрывала, пока не получилось прохрипеть: «Дзякуй». Спасибо по-белорусски. Не знаю, как у меня получилось с произношением. Но Илья понял, поспешно кивнул, а его уши предательски покраснели. Илья бросил опасливый взгляд на Эдуардо, как никак шашни с дочерью работодателя дело

рисковое. Но, с другой стороны, мы живем в свободной стране. Я это с радостью напому папе. Неужели я нравлюсь Илье?

Тейя тоже заказала рыбу с жаренной картошкой бравос. «Гостям я рекомендую заказать дары моря, но как местная закажу себе филе дикого кабана.» — громко сообщила мама. «На Менорке есть дикие кабаны?» — удивился Ларс. «Конечно, поездки по Евросоюзу без таможенных пошлин, чего только туристы не ввозят. Вот даже диких кабанов. Они тут плодятся в тепле и покое. Приходится отлавливать.» — пошутила мама. Ларс громко засмеялся, но заметив, что остальные на него удивлённо смотрят, стих. «Я думал, это шутка,» — оправдывался он. «Да, шутка, только мы уже привыкли к нашему комедианту и ее юмору,» — пояснила бабушка Мария с утешающей улыбкой.

Когда официанты принесли заказы, и стол был заставлен тарелками с изумительными яствами. Я попросила администратора Мелису сфотографировать нас. «У-у-у, какая потрясающая камера,» — восхитилась она. А я сияла. Праздник тѣк своим чередом, все вокруг непринуждѣнно общались, смеялись, я снимала короткие видео. Тейя хоть и не принимала активного участия в разговорах, но внимательно за всеми наблюдала, рассматривала картины на стенах, посетителей, меня. «Как тебе наш остров? Почему вы приехали именно сюда?» — спросила я Тейю. «Привыкаю к мысли, что мы находимся на кусочке земли, окруженном морем... У вас очень уютный дом, а виды из окон бесподобные. Вчера я любовалась закатом, пыталась запомнить все мельчайшие детали. Я не рисую, но хочу в точности запомнить приветливое средиземное море, чтобы картинка заката на Менорке навсегда сохранилась в моем сердце и радовала в самые темные декабрьские ночи. Зимой у нас световой день почти шесть часов, а ночи длинные и темные. Почему на Менорку? В-первых, в Испании теплое море, дешевая и вкусная еда, милые гостеприимные люди. Во-вторых, мои родители официально не расписывались, у них был гражданский брак, «медовый месяц» они провели на Ибице. А когда мама уехала в штаты в командировку, получила там выгодное предложение осталась на год, а потом взяла и вышла замуж, уже не гражданский, а с бумажками в суде. Для нас папой это было ударом, и папа сильно затосковал. Мама звала меня к себе, но я в глубине души я ее так и не простила. Разве можно разлюбить папу? Мне показалось его начала одолевает депрессия, я очень волнуюсь за него, предложила «сменить

обстановку». Не знаю, поможет это ему или нет. Но, кажется, общение с твоей мамой ему явно на пользу.» — Тейя кивнула в сторону наших родителей.

Я посмотрела на Ларса, он по-детски улыбался Элеоноре. Мама жестикулировала и говорила уже так громко, что наверняка на соседнем острове Майорке люди смеялись над её плоскими шутками. «Пап, Элеонора — художница! Ты писатель. Может вместе создадите оригинальную книжку для детей?» — предложила Тейя.

Я подумала, что книжка для детей с говорящей улыбающейся маткой, скорее всего не станет хитом продаж и мировым бестселлером. Хотя кто знает. Ладно, не буду занудой, мама правда отлично умеет рисовать милых персонажей. Не такая уж бредовая затея.

«Спасибо, Тейя. Это замечательная идея,» — поблагодарил Ларс. Давненько Тейя не видела Ларса таким одухотворенным и радостным. Может быть, это было тайное послание Тейи, ей симпатична Элеонора и она одобряет курортное увлечение Ларса.

Мама и Ларс принялись обсуждать идеи для книги. Уголок стариков вёл оживленную беседу, я не удивилась бы, если они вовсе позабыли о поводе совместного ужина. Папа и Федерика носились между столиками и кухней. «Волна посетителей, надо помочь ребятам, мы обязательно присоединимся ближе к десертам,» — сказала анти-мама, и чмокнула меня в макушку.

Почему-то глядя на счастливую маму, в сердце вонзилась мерзкая заноза ревности. Я ничего не могла с собой поделать. Элеонора моя мама, и только моя. Конечно, они с папой расстались очень давно, мама порой уезжала в Барселону на выходные устраивать личную жизнь. Встречалась с местными, ходила на свидания с приезжими, но влюблённой я видела её лишь однажды. Примерно пару лет назад у нас гостевала соратница по феминистской организации Паула. Ночью я встала в туалет, и застала их на диване. Паула гладила маму по волосам, а та смотрела на неё мечтательным задумчивым взглядом. «Мама, ты что? Из этих?» — спросила я её утром. Я была вне себя от ярости. Уму не постижимо, моя мамочка, итак, странноватая, не хватало еще сложностей. Ещё один удачный повод для моих одноклассников и соседских ребят подкалывать меня. «Паула сегодня уезжает. Причем тут эти или не эти? Просто, когда я влюбляюсь, я влюбляюсь в человека, в его ум, индивидуальность и таланты. Только вот Паула замужем,

так что, это всего лишь дружба двух коллег, которая немножко вышла за рамки. Но в эти рамки ты нас быстро вернула. Переживать не о чем.» — уверила меня печальная мама.

Паулу я больше не видела. А в маме с тех пор, как будто что-то погасло. Наверное, не стоит быть эгоистичной сволочью. Элеонора заслужила быть счастливой. Как мне не стыдно? Я снова посмотрела на маму с Ларсом, но уже без ревности и укора, а с искренней радостью. Ведь так приятно видеть любимого человека счастливым. Я вспомнила о загаданном утром желании, неужели сбудется?

К столику подошел Илья с тортом тирамису и четырнадцатью искрящимися, как бенгальские огни тонкими длинными свечами. За ним шли Эдуардо и Федерика. Они хлопали в ладоши, и пели: «Happy birthday to you...» Я снимала видео и словно со стороны наблюдала за всеми. Улыбающиеся лица родных мелькали на экране. И два пришельца из неведомого северного мира, с которыми удивительно, и так хорошо. Вдруг у мамы с Ларсом все сложится, и Тейя станет не просто другом, а сводной сестрой. Я чуть не задохнулась от безумия и наглости моего несбыточного и поспешного желания. Торнадо чувств и мыслей закружил меня. И он, Илья... тоже тут. Какая же я счастливая девочка. Как я всех люблю. А ещё у меня есть смартфон, и целое лето, да и вся жизнь впереди. С днем рождения меня!

На пляже

Мама припарковала старенький серый рено на пыльном поле, выделенном для парковки автомобилей.

«Приехали! Спасибо, что использовали авиалинии Элеоноры Катанеды,» — сказала мама писклявым голосом. Тейя с заднего сидения удивленно посмотрела на водителя, а потом на Ларса. Он что-то прокурлыкал на Норвежском, и засмеялся. «Отличная шутка, мы и правда летели сюда со скоростью самолета.» — отрапортовал ценитель маминого юмора. «Нора, это же бесценно. Он понимает все мои идиотские шутки!» — сказала мне мама на каталонском. Прикольно, когда родной язык можно использовать как

секретный. «Держи себя в руках, может быть, это просто вежливость или ещё хуже жалость?» — проворчала я.

Мы выбрались из автомобиля, с моря дул освежающий бриз. Лазурная безупречная гладь простиралась до горизонта. Несколько тонких вытянутых облаков нелепо распластались посреди небесной голубизны. Солнце щекотало ресницы, и приходилось щуриться даже в солнечных очках. Чайки дружной стайкой взлетели с помойки за рестораном и озабоченно кричали на прохожих. Мама будто плыла в густом жарком воздухе, розовый сарафан облегал её изгибы, подол напоминал лепестки распустившегося цветка, стройные гладкие ноги в бирюзовых босоножках, свежий педикюр с нежно розовым лаком. Я несла пляжные полотенца и соломенную сумку с кремами, водой и чипсами. Шлепки волочились и шаркали по сухой оранжевой почти марсианской пыли. Короткие шорты на Тее подчеркивали её тонкие длинные ноги. Топ прекрасно демонстрировал пирсинг на пупке. «Видишь сережка в пупке снова в моде, не прошло и четверть века,» — Элеонора и без переменчивых веяний моды выглядела молодо и свежо.

Я нарядилась в расклешенное голубое платье. Ларс франтовал в белой поло и бордовых суженных шортах. На ногах у него были белоснежные носки и кроссовки. Странно, наверное, смотрелась наша компания, загоревшие испанки с лоснящимися пепельно-русыми волосами и бледнолицые блондины скандинавы.

Тейя вытаращила глаза, когда мы спустились к береговой линии, и она увидела десятки нудистов. Ларс видимо спросил дочь по-норвежски, смущают ли её обнажённые тела, и не хочет ли она уйти. «Всё окей,» — сказала Тейя, смотря вдаль за линию горизонта. Местных, как, впрочем, и всех испанцев, совершенно не смущают нагие загорающие, натурально, как мать родила, как природа нас создала. Но я всегда замечала смущенную реакцию приезжих, особенно американцев. Для них это явно культурный шок.

Мы сложили вещи на теплый песок у скалы. Элеонора скинула сарафан, и быстрым движением расстегнула бра купальника. Она уже схватилась за плавки, но внезапно остановилась. Надо же, похоже Элеонора стесняется, дело хуже, чем я предполагала. На моей памяти мама ни разу не оставалась в купальнике на пляже. Ларс совсем потерял дар речи, судорожно поправляя солнцезащитные очки. За темным стеклом нельзя было разглядеть

глаз, я была уверена, что он уставился на мамин бодипозитив. Лицо его покраснело, и не только от южного солнца, узкие шорты стали еще уже. Мне было жутко неловко наблюдать за этой парочкой. Я сняла платье, хорошо, что я сразу пришла в купальнике. Сухие трусы лежали в сумке с телефоном и пробником духов.

В детстве я тоже наслаждалась пляжем голышом. Но как начала расти грудь, мне стало не комфортно. То правая грудь опережала левую, то левая правую, они словно играли в перегонки и не могли договориться, соски у меня выпуклые сливаются с ореолом. Так что вполне, естественно, что мне не хотелось демонстрировать своё меняющееся тело. Тейя стояла в слитном спортивном купальнике и размазывала по лицу солнцезащитный крем.

«Ах, как жарко, нужно охладиться,» — сказал Ларс и бросился в соленые объятия средиземного моря.

Элеонора достала из сумки скетч бук и сосредоточенно набросала карандашом зарисовки пейзажа.

«Ты знаешь, что знаменитый архитектор Антонио Гауди именно на Менорке находил уникальные дизайнерские и архитектурные решения для своих творений. Дом Каса-Бальо, которое маэстро Гауди перестроил для семейства богатого текстильного фабриканта Жозепа Бальо-и-Касановас на фасадной стороне не содержит ни единой прямой. Автора вдохновляло море, раковины, камни и морские животные. Каждый раз, когда мы приезжаем на пляж, я жадно вглядываюсь в песок, ищу формы и линии, которые могли вдохновить Гауди.» — разоткровенничалась я со своей новой подругой. По-английски я обычно говорю медленно и с паузами, но про Гауди я рассказывала без запинки, помогла память и зачитанные до дыр буклеты и книжки про творения гения. «Здорово, мы планируем посетить парк Гуэль, Касу Бальо и Касу Милу. Еще кафе «четыре кошки» оно сохранилось в точности как столетие назад. Буду пить чай со льдом, и представлять себя элитой барселонского общества. Мадмазуаль Фу-фу будете мороженное?» — кривлялась Тейя. «Потрясающий план, я бы с удовольствием присоединилась,» — кивнула я.

«Ты уже придумала какие видео будешь выкладывать?» — спросила Тейя, по дороге я поделилась планами о покорении мира. «Может быть видео блог «жизнь на маленьком острове». Менорка означает малый остров. Подразумевалось, что Майорка большой. Хотя Форментера еще меньше, но

он расположен южнее Ибицы, подальше. Думаешь, такое будет интересно путешественникам?»

«Думаю, да. У меня есть любопытное хобби, я люблю ходить человеком по гугл картам в интернете. Выберу совершенно неизвестное место и смотрю картинки. Представляешь, так я однажды обнаружила на пустынном пляже в южной Америке недалеко от Антарктиды красную телефонную будку из Лондона. Что она там делает? Я даже предложила папе идею написать книжку, где королевская семья из Великобритании использует красные будки как порталы, и путешествует по всему миру инкогнито.» — засмеялась Тейя.

«А по-настоящему, где ты бывала?» — спросила я с нескрываемой белой завистью. «Тут,» — она развела руками, — «Это мое первое путешествие за пределами Норвегии. Моя мама сорвиголова, а мы с папой домоседы. Да и у папы это вторая поездка, если не ошибаюсь. Иногда люди ищут-ищут что-то, ездят повсюду, а счастье может быть у них под носом. Каждый закат удивительный и уникальный. Замечать, как с каждой весной куст, который ты посадила становиться выше. Делать то, что ты любишь, там, где тебе все знакомо. Но каждый день видеть по-новому. Не буду лукавить путешествовать оказалось тоже потрясающе, я встретила новых людей, тут другой воздух, солнце светит по-другому, другой язык, другая еда. Безусловно, это будоражит воображение, стимулирует работу мозга. Вот мы с тобой беседуем, а я не уверена не снится ли мне это всё. Ущипни,» — Тейя протянула руку запястьем вверх. Я слегка ущипнула. «Ай, спасибо. Явь. А будь я дома даже, если по моей улице прошёл динозавр или королева Англии вышла из красной будки. Меня бы это слегка удивило, но я бы ни секунду не сомневалась, в правдивости происходящего.» — Тейя замерла по пояс в воде, любуясь рыбками.

Ларс уплыл далеко до буйков, за которым дрейфовали яхты. Развернулся и плыл обратно к берегу. Элеонора скрутила длинные волосы в пучок, помахала Ларсу и поплыла в его сторону.

«Мне нравится испанский язык, он такой певучий, и интонации в предложениях как волны на море. Норвежский больше напоминает треск огня в старой печи, хруст снега под ногами, звуки мягче и теплее. Французский игривый и звонкий. Немецкий язык я бы нарисовала квадратами и прямоугольниками желтыми и черными красками.» —

поделилась Тейя. «Интересно, норвежский язык для меня звучит сказочно, немного забавно, немного загадочно, словно в далеких снегах под полярным сиянием между гор и фьордов, затаившиеся в пещере, тролли и эльфы сидят у костра и придумывают норвежские слова. Ты знаешь, что именно норвежские сказки вдохновили Толкиена на создание «Властелина колец»?» «Нет, не слышала, я если честно, еще не читала, откладываю хорошее на потом, и завидую сама себе, когда делать нечего, сколько приятных часов чтения трилогии, путешествия в мире Средиземья мне еще предстоит. Но фильм мне очень понравился.» — добавила она.

Тейя нырнула, и наш разговор прервался. Все-таки она удивительный собеседник. Не такая, как все, кого я знаю. Я расслабилась, легла на воду, соленое теплое море держало меня на плаву. И без особых усилий я поплыла.

Когда мы все выбрались из воды, солнце и ветер мгновенно высушили мокрую кожу. Элеонора достала бутерброды с сыром и бутылку минеральной воды. Тут я почувствовала, как проголодалась, хотя на жаре голод обычно притупляется. «Спасибо, очень вкусно,» — поблагодарил Ларс.

Взрослые принялись обсуждать книгу. «А может быть путеводитель для детей по острову?» — предложила мама. «Да, такая книга, где еще можно вписать свои воспоминания и впечатления, ответить на вопросы про достопримечательности,» — продолжил жующий Ларс.

«А у тебя есть друзья?» — вопрос прозвучал по-детски, но мне очень захотелось узнать про подруг Теи. «Конечно, разве может человек жить без друзей? С кем же тогда делиться наблюдениями и мыслями? Мысли же живые, им нужны мысли других людей, как воздух, если их не выпускать из головы, они будут кваситься и киснуть. Папа говорит, что хороший писатель должен быть немножечко одинок, чтобы мысли скапливались и просились на лист. А если есть человек, готовый выслушать твои самые сумасшедшие идеи, например, как рисовать иностранные языки, или путешествовать по картам в интернете, то они не задержатся в мозгу, не додумаются, и незрелые улетают в небо. Ведь даже если тебя слушают, это не значит, что тебя слышат или понимают. Моих подруг зовут Туне и Ингрид. Это чумовые девицы, самые классные во всей Норвегии. Я вас обязательно познакомлю,» — пообещала Тейя. «А как зовут твоих друзей?» — спросила она. «Лена и Мигель, они брат и сестра, близнецы. Только в этом году они переехали в

Барселону. И я уже жутко скучаю. Хорошо, что теперь у меня есть телефон мы переписываемся и болтаем по видео звонку.» — посетовала я. Тейя невероятно открытая, простая и при этом интересная, что невольно и я раскрываюсь с ней. Хотя для меня душевные разговоры с девочкой, которую я вижу третий раз, в новинку.

«Вы католики?» — спросила я, указывая на маленький серебряный крестик на цепочке, висящий на ее тонкой шее. «Мы лютеранцы, хотя это подарок бабушки Уны. Папа пантеист, его Бог — природа. А храм — лес. У нас огромная библиотека, которую папа тоже считает священным местом. Лесом душ. Ведь бумага делается из древесины, а значит это души мертвых деревьев. А книга — это еще и частичка мыслей писателя, именно та частичка, которая дарит автору бессмертие. А другого рая для писателей видимо и не существует,» — засмеялась Тейя. Я подумала так вот в кого Тейя так неординарно мыслит. Может быть Ларс и правда подарок судьбы моей маме. Элеонора любит повторять про карму. Вдруг Ларс её карма, я наблюдала, как увлеченно беседуют наши родители. Но, мне показалось, Ларс по-прежнему избегает смотреть на полуголую женщину без комплексов. «А вы, верующие?» — вырвала меня из задумчивости Тейя. «Да, мы католики. В том году я проходила конфирмацию. Но сейчас я в серьез задумалась над философией Ларса,» — пошутила я.

«А как вы отметите рождество? Есть ли у вас особенные традиции?» — поинтересовалась Тейя. «Э-э-э,» — растерялась я. «А вспомнила. У нас есть рождественское полено Тио де Надаля в красной каталонской шапочке,» — начала я. «Полено? С именем и шапочкой?» — переспросила Тейя. «Ага.» — кивнула я, заметив неподдельный интерес собеседницы, я продолжила с большим энтузиазмом. «Рождественское полено, полое внутри, на тонких ножках веточках. С нарисованной улыбающейся рожицей. Восьмого декабря в день непорочного зачатия девы Марии, мы ходим в лес искать Тио, а вечером начинаем «кормить» полено. Ставим перед ним блюдо и кладем мандарины и орехи каждый вечер.» — я невольно улыбнулась, вспомнив сколько радости приносила мне в детстве традиционная каталонская забава. «Утром дети находят кожуру от мандаринов. А потом родители меняют на более крупную фигурку, как будто полено выросло. Малыши удивляются, радуются. Ведь чем крупнее полено, тем больше оно выкакает сладостей.» «Выкакает?» — переспросила Тейя, неужели она правильно расслышала.

«Да,» — рассмеялась я, — «В Сочельник дети бьют прутиками или деревянными ложками полено и поют:

*«Эй, полено, не ленись,
Поднатужься, поделись.
Какай, какай,
Поживей,
Какай, какай,
Не жалеи!
Какай ты печеньем,
Пряником с вареньем,
Конфетой, шоколадом,
А какашек нам не надо.»*

Я напевала детскую песенку, которую знают все каталонские дети, а Тейя внимательно слушала, вытаращив глаза, видимо не могла понять правду я говорю или подшучиваю.

Мама, услышав знакомый мотив, начала подпевать. А потом добавила: «Да, Тейя, в каждой стране свои традиции. Мы их чтим, а они словно часть генетического кода от предков передают нечто важное, что помогает нам не терять корни, помнить кто мы и откуда.»

Хорошо мама сказала, у меня даже защекотало где-то под лопатками от гордости за предков и страну. Пусть даже речь идет о дикой традиции выбивать из полена конфеты-какашки.

«Видишь, Тейя, как скучно, мы норвежцы живем,» — засмеялся Ларс. «У нас в краю, где долгая и темная зима, рождество чтят особенно,» — начал он свой рассказ. «Да, но сначала я хочу рассказать пару анекдотов про норвежцев.» — перебила Тейя. «Точно, анекдоты помогут нашим испанским подругам узнать о нас больше,» — согласился Ларс. «Что такое анекдот?» — поборов неловкость, спросила я. «О мама дорогая, я и подумать не могла, что новое поколение не знает анекдоты,» — пробормотала Элеонора. «Да, анекдоты рассказывают только динозавры, как я. Это короткие смешные истории. Мемы в тексте,» — добродушно пояснил Ларс. «Суд на Шпицберген. «Обвиняемый, где вы были в ночь с 25 ноября по 25 марта?» Тейя и Ларс засмеялись, мы с мамой недоуменно переглянулись. «Вы только не подумайте, что у нас проблема с чувством юмора. Но ведь с 25

ноября до 25 марта это не ночь, а четыре месяца?» — спросила мама. «Вот именно» — сказала Тейя, — «Вам обязательно нужно побывать в Норвегии зимой. Тогда вы оцените шутку по достоинству.» «Да, приезжайте. Вы можете остановиться у нас.» — добродушно улыбнулся Ларс. «Зимой рассветает у нас в девять пятнадцать утра, а закат уже около трех дня. А Шпицберген остров за полярным кругом, там полярная ночь. Люди сутками живут в темноте. Зато летом у них полярный день, и почти круглые сутки светло.» «Ага, у бабушки Искерд в Тронхейме капуста за лето вырастает огромной.» — Тейя поправила пепельно-золотистый локон за ухо. Элеонора захохотала. «Понимаешь, у них ночь с 25 ноября по 25 марта,» — пояснила она мне. «Мам, до меня дошло. Просто все равно невозможно представить.»

«Ещё один анекдот. Однажды тролль, ведьма, норвежец и умный швед нашли пирожное. Кому оно досталось?»

«Ведьме!» — неуверенно предположила Элеонора. «Не знаю,» — сдалась я, это же анекдот, не задачка на логику, тут явно какая-то подковырка.

«Норвежцу. Потому что каждый знает, что тролли, ведьмы и умные шведы бывают только в сказках!» — ликующе закончила Тейя.

Тут уже мы с мамой смеялись, как заведенные. У Элеоноры потекли слезы, а мой хрюкающий смех смешил всех её еще больше. «Вы, что недолюбливаете шведов? Они же ваши ближайшие соседи,» — наконец, отсмеявшись, спросила Элеонора. «Нет, мы глубоко их уважаем, просто исторически принято над ними подшучивать. Так мы демонстрируем, что при сходстве климата, истории и языках, мы очень отличаемся.»

Мы изрядно проголодались, а ещё Тейя умирала хотела писать. Наши шутки про то, что море соленое, она проигнорировала. Туалетов на пляжах — биосферных заповедниках Юнеско не предусмотрено, ближайшее спасение находилось у парковки в кафе. Пришлось собираться очень быстро, стряхнуть песок натянуть платье. Благо на солнце купальник высох быстро.

В кафе мы сели за столик у открытого окна, из которого виднелся пляж и лазурное море. «Как открытка! Папа, ты только посмотри. Это открытка.» — без устали восхищалась девочка с далекого севера. Мне было приятно, что замысленный взгляд пейзаж вызывает у них такую реакцию. Нас спросили: «Español? Català? English?» «English!» — хором ответили Ларс и Тейя. Нам принесли трёхязычное меню, а официанта позвали из другого зала. «What do you like, young lady?» — спросил слащавый темноволосый парнишка у Тейи.

«Can I have squid's testicles, please» — заказала Тейя, официант улыбнулся. Ларс, выпатив глаза, поспешил поправить: «She meant squid's tentacles» «No problem. I understand, » — успокоил его официант. Видимо, туристы часто заказывают яйца кальмара вместо щупалец. Очень уже похожи слова testicles и tentacles. Хорошо, что в этом кафе всегда приносят щупальца.

Ларс пил сангрию со льдом, мама — минеральную воду. Мы заказали кока-колу. Она щекотала пузырьками во рту, и я неожиданно рыгнула. «I'm so sorry!» — извинилась я. Мне хотелось провалиться под землю. Но вдруг Тейя тоже рыгнула, и мы засмеялись. Очевидно, она сделала это специально, чтобы выручить меня из неловкой ситуации. И я была ей бесконечно благодарна.

«А теперь я расскажу тебе про рождественские традиции в Норвегии. Было просто здорово, если бы вы с Элеонорой приехали к нам на рождество.» Я бросила скорый взгляд на Ларса, алый румянец выдавал его даже сквозь свежий загар. «Главным символом рождества в Норвегии является елка. Обычно её украшают двадцать третьего декабря, как часть старинных традиций, у этого дня даже есть специальное название — лиллеюльафтен. В этот день принято есть рисовую кашу, печь пряники и украшать пряничные домики с детьми. В Сочельник, когда в церквях в пять часов звонят колокола во всех норвежских домах семьи садятся за стол. Лучшими угощениями считаются блюда из свинины: котлеты или жареное мясо на косточке. Иногда бараньи ребрышки с хрустящей корочкой, рыба, приготовленная по особому рецепту. Подарки в праздник детям приносит Юлениссен — рождественский гном с длинной бородой в шубе и красной шапочке-колпачке. В деревнях люди обязательно угощают диких птиц и животных, и ставят в сарай рисовую кашу с маслом и корицей для домового — маленького гнома ниссе, в благодарность за то, что он присматривает за домашними животными.» — на одном дыхании рассказывала Тейя.

«А как будет по-норвежски «Счастливого рождества?»» — спросила я. «God Jul» «А, мама?» «Mog» «Муурь» — попыталась повторить я. «Almost!» — похвалила Тейя. «А как будет бабушка?» «Mormor» — Тейя терпеливо учила меня азам норвежского. «Что? Муурь мама, а бабушка два раза Муурьмуурь? Бабушка два раза мама?» — удивилась я. «Любопытно, я не думала в таком ключе, просто принимала слова за данность. Ты удивишься, но Mog может быть в значении нежный.» «Мююрь Мююрь это и нежная мама

и мама мама и бабушка?» «Нет, мююрь это уже стена, такая каменная стена, но это редкое слово.» «Мама — стена,» — прошептала я. «Мама муурь, стена мююрь. Слышишь, там разные звуки.» «Если честно, с трудом. Для меня весь норвежский звучит как кошачий. Мур-мюрь. И стена, и мама и нежная бабушка. А папа как будет? Мяу?» «Нет, фаарь,» — улыбнулась Тейя, а Ларс обернулся. «Дай угадаю, дедушка будет фаарьфаарь,» — спросила я. «Да!» — засмеялась Тейя. «И что это спрашивается, мои предки каталонцы применяли фантазию, придумывая разные слова: мама — mare, бабушка — àvia, папа — pare, дедушка — avi. Когда можно было упростить.» — сарказм моё третье имя, помните? «Зря смеешься, в этом прослеживается логика. Главной задачей моих предков было — выжить в суровом холодном климате, и длинной зимой, не замёрзнуть, не умереть с голоду. У вас большой выбор фруктов и овощей. В теплых краях люди развивали искусство, архитектуру, музыку. В Испании и сейчас еда сильно дешевле и вкуснее. На севере — просто выживали. Норвежцы очень практичный народ.» — оправдывалась Тейя. И я глубоко задумалась, а ведь в этом что-то есть, почему раньше эта мысль мне самой не приходила в голову. Мы пускаем корни в землю, где мы родились и живём, а традиции, язык и культура этой земли пускает корни в наши души.

На обратной дороге разморенные морем и солнцем мы с Тейей задремали на заднем сидении под монотонное бу-бу-бу родителей. Мой перегретый мозг выключился, и не понимала по-английски ни слова. Их речь слилась в единый поток, из которого, как бы я ни старалась, я не могла выудить ни слова. В тот вечер мы с Тейей отсняли короткий ролик «Норвежский 101» про маму, бабушку и котов. Ролик почти сразу же залетел на десять тысяч просмотров и тысячу сердечек. В комментариях люди оставляли смеющиеся кошачьи смайлики со слезами и просили продолжения.

Курортный роман

Элеонора сильно изменилась, по утрам никаких матерных слов, которые раньше она использовала, вместо «Доброе утро». Потому что цитата: «Я скажу доброе утро, когда я высплюсь, но если я мало и плохо спала, а

впереди столько работы, то никакое утро не доброе, а» Покачивающаяся походка напоминала скольжение, она словно парила. Мама перестала болтать обо всем на свете, стала задумчивой и молчаливой. Но больше всего прочего, меня беспокоил её таинственный мечтательный взгляд.

«Эля, не думаешь заняться каким-нибудь спортом?» — спросила бабушка Мария. Для неё поведение дочери тоже не осталось незамеченным. «В моем возрасте лучший спорт — это секс,» — Элеонора засмеялась. «Это старческая шутка, вы что?!» — мы с бабушкой слегка шокированные переглянулись. «Ничего себе шутка,» — наконец, осуждающе произнесла я. «Ничего себе старческая,» — поддакнула бабушка. Нас переполняло возмущение и тревога за эту бестолковую женщину. «Предвестники менопаузы?» — спросила я. «Эх, не играй с огнем малышка. Он турист, покатался и бросил. Уплывёт за тридевять земель.» — добавила бабушка. «Ах, вот вы о чем,» — сообразила Элеонора. «И думать не хочу о будущем. Я таких чувств не испытывала давно. Последний раз с Эдуардо, может быть, пятнадцать лет назад. Это когда он приближается, а у меня внутри всё сжимается, и снизу живота к сердцу, щекоча ползут вверх пузырьки Кавы, лопаются и опьяняют. Я влюбилась, влюбилась, клуши вы мои родные.» «А для него курортный роман, уедет и не вернется,» — вздохнула бабушка. «Ещё как вернется, мама. Я предложу ему персональную скидку при бронировании домика в следующий раз,» — пошутила Элеонора, и мы рассмеялись. «Любовь хороша в чистом виде, мамочка. Не стоит её мешать с переживаниями о будущем. Надо жить, любить сегодня и пусть будущее подстраивается под нас,» — философствовала Элеонора. «Прости, Эли. Ты права, нас не должны касаться твои личные дела.» — извинилась бабушка. Мысленно я согласилась с мамой, зачем думать о негативных последствиях и пытаться их избежать, если их может вообще не быть. И плевать я хотела, что и как случается у других. Моя мама точно не как все.

Мы договорились встретиться с Теей на набережной у моста. Съесть мороженое-желато, погулять по вечернему городу. После жаркого дня Цитадель оживала, открывались рестораны, высыпались на улицы и бесцельно бродили нарядные туристы, магазинчики зазывали прохладой кондиционеров и сувенирами. Уличные музыканты пели и играли, художники выставляли палатки со своими работами. Мама тоже раскладывала и развешивала матки, в смысле картины. Матка у неё одна и внутри, слава богу.

Я была в шортах и розовой футболке с надписью fun, Тейя в короткой юбке и темно синей майке резинке. Мы зашли в маленький магазинчик мороженого, частично высеченного прямо в скале. Я выбрала два шарика фисташковое и ванильное. Тейя взяла клубничное и шербет манго. Мы сели на стульчики у выхода, и старались съесть холодное лакомство скорее, чем оно растает. Когда бумажные стаканчики опустели, Тейя спросила. «А что ты думаешь про курортные романы? И вообще, у тебя есть парень?» Я растерялась, про Илью я расписала уже трехтомник дневников, но вслух еще ни разу никому не признавалась. «Не знаю. Парня нет,» — проямлила я. «А у тебя?» — задать вопрос, это отличный способ уйти от ответа. «Сегодня я познакомилась с удивительным парнем. Его зовут Егор. Представляешь, он из Беларуси.» Тут моё сердце перестало биться. Звонящая пустота наполнила грудную клетку. «Илья?» — прохрипела я. «Нет, Егор или Игорь. Необычное славянское имя. Ему шестнадцать лет, и можешь себе представить он уже чемпион по олимпиадному программированию. Я не хотела выглядеть полной дурой, сказала, что я гуманитарий. Что, собственно, правда. Он мне очень понравился. Поэтому, когда он предложил встретиться сегодня, я, не раздумывая согласилась. Ты же не против пойти со мной? Он будет ждать меня через полчаса на площади.»

Вдруг это не Илья, вдруг еще какой-то другой шестнадцатилетний белорус на Менорке. К тому же Илья ничего не рассказывал про программирование. Может, потому что мы не общались никогда, только привет, как дела? Глубоко вздохнув, я кивнула. А что мне, собственно, оставалось. Если бы я ушла в неведение, я сошла бы с ума. Теперь, если Игорь окажется Ильей у них с Теей курортный роман. Это ещё ничего не значит. Она уедет, у них погаснут чувства, а я останусь здесь. Что я несу? Пусть даже мои мысли никто не слышит. Тук-тук. Застучало медленно и равномерно моё сердце, как огромный барабан, отдаваясь вибрациями по телу. Тук-тук. Обратный отсчет пошел. Ноги потяжелели на сто килограммов каждая и с трудом поднималась по ступенькам.

— Папа говорит, что во время путешествий, попадая в новую среду, новые запахи, новые ощущения, мозг получает много пищи для анализа. И генерирует сильные впечатления, эмоции и чувства. И тебе кажется, что ты без ума от человека, а окажись вы с ним в привычной обстановке, вряд ли искры и отношения были бы теми же. Знаю, звучит занудно и тоскливо. Но

жизнь — это одно большое приключение, нужно только выйти из дома. И вот я здесь, у меня чумовая подружка каталонская испанка. Мы почти взорвали тик ток. Кстати, у меня идея на новый ролик. Напомни, потом, а то забуду. Так вот, возвращаясь к курортным романам. Мне пятнадцать, замуж я не собираюсь.

— Твой папа так сказал?

Тейя не понимающе уставила на меня.

— Я про новые впечатления и романы на курорте? — уточнила я.

— Угу.

— А как ты думаешь у них с Элеонорой серьезно? — теперь сердце провалилось в черную дыру, я задрожала.

— Думаю, да. А иначе зачем он придумывал столько теорий и оправданий своим переживаниям и чувствам? Ты дрожишь? Тебе холодно? — Тейя обняла меня за плечи. Ее мягкие руки оказались почти невесомы.

— Наверное, съела мороженное слишком быстро, — неумело соврала я. Чуткая Тейя притворилась, что поверила.

— Сейчас пройдет, сегодня такой теплый вечер. Быстро согреешься. А за родителей не переживай, я ведь тоже волнуюсь. И за Элеонору, и за папу. Но что мы можем сделать? Правильно. Ничего. Они взрослые разберутся без нас. А пятнадцать лет бывает один раз. И лето на острове в средиземном море непозволительная роскошь. Упускать шансы недопустимо.

Какая же она легкая и светлая. Как ловко у нее получилось вернуть вкус жизни. И покошенные коленки вновь обрели уверенность, и я поспешила широкими шагами на площадь.

Я увидела его из далека. Он стоял в спортивных шортах и черной футболке, переминаясь с ноги на ногу, каждую минуту поглядывая на часы. Илья улыбнулся, когда увидел нас. А может быть он видел только Тейю. Волосы были непривычно зачесаны на бок. И двигался чуточку резче и быстрее. В ресторане даже в часы пик, ему удавалось сохранять спокойствие и движения всегда были плавными и точными. Ведь излишняя торопливость может стоять разбитого стакана или тарелки.

— Привет, — поприветствовала его Тейя.

— Привет, очень рад, что ты пришла, — улыбаясь, сказал он.

— Познакомься это Нора, моя подруга, — представила меня Тейя.

— Очень приятно, — Илья словно видел меня впервые, говорил непринужденно и вежливо.

В горле застрял морской еж, выпустив все иглы, мне было больно говорить, больно дышать, в глазах помутнело, и все мои девичьи мечты о милом мальчике, который мне нравится, упали кирпичом на мою же бедовую голову.

— Мы же знакомы, — прохрипела я, нечаянно вцепившись ногтями в руки Теи.

— К сожалению не припомню, — виновато развел руками.

— Что? Илья, ты же работаешь в ресторане «Печка»? — я вспыхнула от ярости.

Тейя удивленно сверлила меня пронизательным взглядом. Ещё чуть-чуть и она меня спалит.

— А понятно. Я — Игорь, а в ресторане работает мой брат близнец Илья. Так что Вас, Нора, я вижу впервые. Очень рад знакомству.

— Брат близнец! — прокричали мы хором.

— Какой-то бразильский сериал, — добавила Тейя.

Напряжение меня отпустило, в легкие и мозг поступил кислород, это не мой Илья. Это его брат близнец запал на Тейю. Я начала хохотать, как сумашедшая. Прохожие осторожно оглядывались. Старушка осуждающе цыкнула. Может, решила, что я выпила что-то покрепче лимонада. Но я не могла поверить, что все происходит со мной. Тейя протянула мне бутылку воды. Я благодарно ей кивнула.

— Илья никогда не рассказывал, что у него есть брат близнец, — я внимательно вгляделась в Игоря, и теперь мне стало совершенно очевидно, что это другой человек.

— Он мне тоже ничего не рассказывал, что знаком с такими красивыми девушками, — отшутился Игорь.

Тейя залилась румянцем.

— Это был наш второй день на острове, я если честно, не запомнила его. — смущено прошептала Тейя.

В голове не укладывается, Игорь ей понравился, а это и ежу понятно, что понравился. А на его брата близнеца пару дней назад она и не обратила внимания. Как такое возможно?

— Извините, нужно ответить на звонок, — Игорь поднес телефон к уху и заговорил на другом языке. По-русски или по-белорусски, может быть. В предложении на неизвестном языке мы услышали наши имена Тейя и Нора. Он говорил кому-то про нас. В этот момент мне так захотелось знать норвежский, мне срочно нужно было поделиться с Теей. Рассказать о своих чувствах к Илье. По глазам Теи я поняла, что больше всего на свете в этот момент она сожалеет, что не учила каталонский. Я взяла Тейю под руку, и мы обе глупо захихикали, уткнувшись друг другу в плечо. И мы поняли друг друга без слов. Это было волшебство.

— Это Илья. Он сказал, что с радостью присоединиться к нам через час. Может пока расскажете немного о себе, мне всё интересно, — попросил Игорь.

Тейя рассказала, что увлекается историей и литературой. Зимой они с папой катаются на беговых лыжах. Дома их ждет рыжий кот Ларсен.

— Разве Ларсен это имя? Я думала, это фамилия? — уточнила я.

— Да, кличка кота фамилия. Папа решил, что это достаточно оригинально для кота писателя. Имя героя так же важно, как вся книга целиком, любит повторять Ларс. К тому же если дословно Ларсен — это сын Ларса. Наш кот точно пушистый сын. — пояснила Тейя.

Про маму Тейя не упомянула ни слова, и Игорь дипломатично не спрашивал.

Я отшутилась заготовленными репризами про своё необычное имя. А что ещё я могу рассказать о себе? Хобби? Интересы? Мечты? Планы? Я такая заурядная и серая, пожалуй, только имя и заслуживает внимания. Как можно скорее я постаралась перевести тему, и стала расспрашивать Игоря. Мы сидели на лавочке в парке, мимо проходили шумные туристы, по степени загара мы отгадывали сколько они дней на острове. Воздух был теплый и влажный, изредка огибая улочки, долетала и до нас морская прохлада. Невероятно темное небо, сплошь усыпанное звездами, зачаровывало космическими тайнами. Я сидела в компании новых ребят и непринужденно болтала, не узнавая саму себя.

Игорь рассказал, что они с Ильёй переехали в Испанию несколько лет назад. Они с братом на домашнем обучении, и серьезно занимаются программированием. И в свободное время в туристический сезон подрабатывают. В ресторане и фрилансерами: пишут сайты и приложения по

заказу, занимаются репетиторством для начинающих программистов. Илья захотел работать в кафе, чтобы практиковать испанский и английский, и это всего четыре часа в день и два раза в неделю. Сейчас мир безграничных возможностей, благодаря интернету и глобализации неважно, где ты находишься, ты можешь зарабатывать в любой точке мира. После вдохновляющей речи захотелось аплодировать. Я подумала не такая уж я и бесперспективная, может я смогу стать известным режиссёром? Почему я вообще хочу стать известной? Обязательно ли мне необходим успешный успех для счастья? Мои бабушки и дедушки счастливо прожили на островке всю жизнь, и всем довольны. Хочу ли я покорить талантом весь мир? Прославить себя, Менорку и Каталонию? Зачем? Быть богатой? Всем нравится? Понятия не имею. Сейчас я уверена только в одном — я очень хочу нравиться смущённо улыбающемуся парню с русыми волосами серыми глазами и непохожего ни на кого на свете, даже на своего брата близнеца.

— А вот и Илья, — радостно провозгласил Игорь.

Мы переглянулись с Теей. «Нам нравятся братья близнецы?

Невероятно!» — прочитали мы в глазах друг друга.

— Всем привет, — смущенно поздоровался Илья.

— Проголодались? Я принес пару пицц, как насчет пикника на берегу?
— предложил он.

— Отличная идея. Как здорово ты придумал, — похвалила Тейя.

— Идемте, — Игорь непринужденно взял Тейю за руку, я заметила, как спина у нее покрылась мурашками, а глаза засветились. И вдруг ощутила теплую руку Ильи в своей руке. Мне казалось, я взлетела, как воздушный шарик, и Илья держит меня за веревочку, иначе бы я улетела высоко, выше рая. Первый раз, первый раз парень, от которого я без ума, держал меня за руку. Соберись, соберись. Повторяла я себе. Даже ущипнула свободной рукой бок. Нужно сконцентрироваться и продолжать беседу. Я смотрела на счастливую Тейю. Как хорошо было бы иметь сестру. А ещё лучше сестру близнеца.

Мы ели пиццу, уютно рассевшись на камнях. Огни курортного города отражались и покачивались в темной воде. Небо большим черным полотном укутывало четырех подростков и впервые, мне казалось, я живу свою собственную взрослую жизнь. Я была безумно счастлива.

Дедушка Алехандро — врач. Он рассказывал, что после остановки сердца, когда доктора диагностируют клиническую смерть. Мозг человека еще живёт примерно три минуты. И опровергая общепринятую теорию, оказалось, что в мозге наблюдается сильная активность. Из-за нехватки кислорода активируется часть головного мозга, которая отвечает за сны, галлюцинации, удовольствия и за когнитивные способности и память. Если учесть, что многие вернувшиеся в того света, часто говорят, что вся жизнь пролетела перед глазами. Дедушка абсолютно уверен, что после смерти, три минуты человеческий мозг проносит нас сквозь лучшие воспоминания. И как во сне время растягивается, мы словно проживаем самые прекрасные моменты жизни еще раз. Я вспомнила его теорию именно сейчас не случайно. Мне было приятно осознавать, что после смерти я, абсолютно точно, проживу этот вечер ещё раз.

Частицы

Игорь ушел провожать Тейю. А Илья, не спрашивая просто шёл со мной. Я умышленно петляла по улицам, чтобы путь домой был как можно длиннее. Я жаловалась спутнику, что никогда нигде не бывала. А мир такой большой.

— Не грусти, Нора, ведь ты совершаешь куда большее путешествие, — утешал Илья.

— Мы путешествуем во Вселенной на нашей планете, движемся сквозь время и пространство. Нас окружает множество удивительных вещей. Моя мама астрофизик, сейчас она помогает с уборкой, учит каталонский, планирует устроиться на работу в университет в Барселоне. Младшему брату всего шесть, поэтому выкручиваемся как можем. Она любит шутить, что для человека, не знающего магию, мир полон физики. Видела бы ты как она смотрит на звёзды. Она видит там куда больше. Мама часто повторяет, что перед нами прошлое, возможно, мы любуемся светом далеких звезд, некоторые уже взорвались. Но свет от взрыва ещё не добрался до нашей планеты. А некоторые удалились от нас так далеко, что потомки уже не увидят их след на ночном небе. А ещё, в нашей Вселенной на каждую частицу обязательно найдется античастица. И если частица и античастица встретятся, то они обязательно схлопнутся. И будет ничто.

«Господи, как хорошо, что мама и моя анти-мама Федерика не схлопываются.» — подумала я.

— Но во Вселенной частиц больше, чем античастиц! Вот почему все еще на месте.» — заключил Илья.

— Значит ли это, что если зло — противоположность добра, и добра больше, чем зла? — робко спросила я.

— Это уже философский вопрос. Хотя мы состоим из тех же частиц, что и звезды. И что самые крохотные частицы ведут себя и как твердые тела и как волны. Тут уж можно разгуляться фантазии. Если честно, физика для меня сложна и масштабна. Я предпочитаю, алгоритмы, задачи и красивые решения. Матрицы, массивы, сортировка. — увлекся провожатым.

— А чем ты интересуешься, Нора? — спросил он.

У меня вспотели ладони, я забыла все, что когда-либо меня интересовало. «Сервер завис... ошибка 404!» — подумала я.

— Тобой, — услышала я свой собственный голос. И глядя в горящие глаза Ильи, добавила: «Я имела в виду все что ты говоришь, это невероятно интересно.»

Улочка сузилась, а практически поперек нее стоял компактный автомобиль. Водитель непринужденно разговаривал с женщиной, полностью блокировав движение.

— Слышал, про парадокс дурака? — вдруг выпалила я, вспомнив ещё одну дедушкину теорию.

— Нет, расскажи, — заинтересовался Илья.

— Всё очень просто. Парадокс заключается в том, что дурак не знает, что он дурак. Потому что, если ты понимаешь, что ты глуп, ты попытаешься это исправить. И в конце концов, поумнеешь. А дурак, не осознает своей тупости. И стоит посреди улицы, и не замечает, что люди из-за него не могут пройти. — закончила я.

Илья засмеялся добрым детским смехом. От его смеха у меня побежали мурашки. Мне показалось, что я по-настоящему влюбилась в милого мальчика с грустными пасмурными глазами, именно сейчас, когда он засмеялся. Вдруг Илья запрыгнул на капот, протянул мне руку. Я, не колеблясь ни секунды, запрыгнула на автомобиль. Мы, не сговариваясь спрыгнули с машины, и под крики возмущенного водителя, побежали в

сторону набережной. Мы остановились, лишь, когда убедились, что разгневанный владелец автомобиля за нами не гонится.

— Теперь ты мой партнер по преступлению! — отдышавшись, сказала я, вспомнив знаменитой английское выражение "Partner in crime".

— Обращайся, — Илья нервно потирал руки.

— На самом деле, мы уже час ходим вокруг моего дома, — призналась я.

— Пора расставаться? — грустно спросил он.

Я обреченно кивнула.

— С тобой здорово, может ещё как-нибудь погуляем? — спросил он.

На это раз я кивнула оживлённо и радостно. Неловкая пауза растянулась в вечность. Я не могла заставить себя уйти.

— Можно тебя поцеловать? — прошептала я, глядя ему в глаза.

— Я и сам хотел тебя спросить, только язык предательски не поворачивался. — засмутился он.

«Это ничего лишь бы во время поцелуя он у тебя поворачивался бы,» — успела подумать я, перед тем как его влажные мягкие губы коснулись моих. Если и бывают идеальные первые поцелуи, то это был он. И да, мы не схлопнулись, как частица с античастицей, значит, не такие уж, и мы противоположности.

Подружка

Сидеть на диване в собственной комнате гостем, потому что в этом месяце комната принадлежала Тее, достаточно непривычно. Странновато, скажу я вам. Но этим летом произошло столько необъяснимого, нового и чудесного. Что внутренний голос советовал не задумываться над деталями, а радоваться, полностью отдаваясь потоку событий.

— И что у вас с Ильей? — Тейя заговорщицки улыбалась.

— Не знаю, — честно ответила, все произошло достаточно стремительно.

Мы теперь в отношениях или это была опьяняющая летняя ночь?

— Кажется, я вчера переборщила с инициативой. Теперь буду ждать следующего шага от него. — растеряно призналась я.

— Инициативой? Нора, что такого у вас произошло? Не говори, пожалуйста, загадками. Я сейчас взорвусь от любопытства! — умоляла моя скандинавская подруга.

— Я попросила его меня поцеловать, — сказав это, я сама пришла в ужас.

— Вау! Вот это поворот. Элеонора бы тобой гордилась. Очень по феминистки, — засмеялась Тейя.

И её целительный смех отворил все засовы и замочки, которые сдерживали моё счастье.

— Да, мы поцеловались, Тейя. Это было невероятно.

— О, поверь мне, милая, я понимаю тебя, как никто на свете. Потому что вчера мы с Игорем тоже поцеловались. И я не сожалею, что это случилось на первом свидании, потому что нам расставаться уже через неделю. Не могу поверить, что три недели уже позади. — Тейя плюхнулась на диван.

Внезапная волна грусти захлестнула и меня. Как же трудно будет возвращаться в рутину, когда норвежцы уедут. Хотя у меня останется Илья, а вот Тее придётся расстаться и с Игорем.

— Поклянись, что приедешь в Хаммарь на рождественские каникулы. Зимние каникулы у нас в феврале, но в праздничную неделю школьники тоже отдыхают.

Непослушные пепельные локоны, безупречно расчесанные, вовремя прикрыли лицо Теи, спрятав слезинки.

— Приеду, мама наверняка, будет не против. Тебе не кажется, наша история бесстыже слащавой, остров, море, лето и столько любви, что удачно сложились целых три парочки. — пошутила я.

— Согласна, если бы кто-то писал об этом книгу, ни за что не стала читать такие розовые сопли, — засмеялась Тейя.

— Когда ты рядом, у меня ощущение, что мы давно знакомы, а ведь я даже не знаю, твою любимую книгу. — Тейя с искренним интересом смотрела на меня, ожидая ответа.

— «Всё о моем дедушке» Анны Мансо. Но не то, чтобы самая любимая. Она мне очень понравилась. Действие происходит в Барселоне, и время, события и герои очень близки. — первое что пришло мне в голову.

— А я обожаю всю серию про Гарри Поттера. — выражение лица у Тейи стало как у всех фанатов Гарри Поттера, когда они говорят об объекте своей страсти.

И тут все мои внутренности сжались в крохотный комок, потому что я знала и боялась следующий вопрос. И он прозвучал.

— А ты читала книги Роулинг?

— Не все, прости. Теперь ты не будешь со мной дружить? — спросила я.

— Что? Боже, как я тебе завидую. У тебя столько чудесных часов чтения впереди.

— Федерика учила меня английскому по «Философскому камню», я начала читать вторую часть сама, но застряла. «Гарри Поттер» в оригинале — пожалуй, единственная возможность овладеть языком. — оправдывалась я.

— Потрясающе, ты еще и в оригинале читаешь, — я зардела от похвалы.

Не помню, как долго мы болтали обо всем на свете, на улице стояла невыносимая жара, и мы не торопились. Лишь, когда солнце начало садиться, и с моря задул освежающий бриз, позвонила мама. «Менорка Каталония, когда же ты соизволишь явиться на ужин? Бабушка с дедом ушли в ресторанчик. Как ты смотришь на то, что чтобы пригласить к нам Ларса и Тейю?

— Отлично смотрю, тем более я сейчас у них, то есть у нас дома, — запуталась я.

— Хорошо, тогда я сейчас напишу Ларсу, а ты спроси Тейю. — попросила Элеонора.

Ларс плодотворно трудился, заперевшись в спальне на втором этаже. Не спускался, даже за кофе.

— У меня есть парочка версий, какая именно муза укусила моего отца, — подмигнула Тейя.

— Тейя, как ты смотришь на то, что мы отужинаем у ... — раздался голос Ларса сверху.

— У Норы и Элеоноры? Отлично. Уже готова. — закончила его дочь.

Мама приготовила паэлью с курицей. Сделала домашний лимонад. Накрыла на стол и поставила свечи.

— Как романтично. А мы с Норой не будем лишними? — съехидничала Тейя.

Сложно передать словами все мои эмоции, но мне кажется, мы все вчетвером ощутили одинаковое чувство семейного уюта и радости в тот вечер. Я не замечала усталости от целого дня, проведенного с Теей. Она была естественной и расслабленной. С ней все было просто и естественно. Одним словом, было так хорошо, что я совершенно забыла про телефон, и только перед сном обнаружила сообщение от Ильи. «Would you like to be my girlfriend? » Буду ли я его подружкой? «Yes!» Ещё бы.

Барселона

Было решено отправиться трём парочкам всем вместе на два дня в Барселону. Мы плыли скоростным паромом, с порта в Цитадели.

Родители предоставили нам полную свободу, да и сами они были заняты, но всем было спокойнее от их близости. В первый день мы планировали посетить парк Гуэль, Каменоломню, готический квартал, поужинать в «Четырёх кошках» и пройти по La Rambla. Родители сняли квартиру недалеко от парка Гуэль с тремя спальными, планировалось поделиться: мы с Теей, братья Новиковы во второй комнате, родители, долго смущаясь уступали комнату друг другу, но потом решили, что Элеонора спит в спальне, а Ларс в гостиной на диване.

Все билеты мы закупили онлайн, нам как резидентам всюду были большие скидки, Ларсу и Теи пришлось покупать билеты по полной цене. Ох, великий Гауди, испанцы зарабатывают на твоём таланте почти сто лет после смерти. Тейя причитала, что плохо распланировала поездку, слишком халатно отнеслась к покупке билетов, в музей Пикассо билеты были раскуплены на ближайшие две недели. А это значит, что они с Ларсом туда точно не попадут.

— Это всё проклятые туристы. Заполонили Барселону, нам тут самим жить негде, — Элеонора включила старую пластинку бабушкиных ворчаний.

Хотя, естественно, местные прекрасно понимают, что именно туристы кормят город, острова. Даже собор святого семейства Гауди строят на деньги с билетов и экскурсий.

— Зарядимся быстрыми углеводами? — предложил Игорь.

— Что? — хором спросили мы с Тейей.

— По мороженому? — «перевел» Илья.

Какие же они разные, такой общительный, энергичный, позитивный и активный Игорь. И задумчивый, молчаливый, я бы даже сказала медлительный Илья.

— У вас ведь абсолютно идентичный ДНК, почему вы такие разные по характеру? И кто родился первым, Игорь? — предположила Тейя.

И как же мы удивились, узнав, что Илья родился на семь минут раньше. Мои друзья близнецы Лена и Мигель родились с разницей почти в час. Но они разнояйцевые близнецы, у них разные ДНК, это как обычные брат и сестра, которые родились одновременно, они и похожи друг на друга не стопроцентно. А Илья и Игорь двойняшки, или я опять путаю, но смысл, что однополые близнецы, с одинаковым ДНК и внешне полные копии друг друга. Что слишком много близнецов вокруг меня, а ведь это достаточно редкое явление.

— Наверное, многое нам дает наше имя. — предположила Тейя.

— Илья звучит мелодично, спокойно, А Игорь, рь! Очень динамично. Звуки наших имён задают некие качества человеку, — предположила она.

— Я думаю, человеческая природа в уникальности. Даже если воспроизвести десять одинаковых клонов, родить их кесаревым сечением в один день и в один час, и назвать одним именем. Поселить в одну семью. Это будут десять разных личностей. — высказался Илья.

— Нет, дружок, есть генетика. Скорость передачи сигналов в нейронной сетке. Генетическая память. Клетки жира помнят процентное содержание в организме, если человек худеет, они стремятся вернуть прежний вес, посылая сигналы мозгу. Память у жира, Илья! Что говорить о других клетках? И ты говорить десять клонов, но вынашивать их одновременно будут десять разных женщин, — у братьев завязался оживленный спор.

— Давай сократим число клонов до двух или трех, клоны будут из генетического материала самой женщины. — Илья углублялся в детали эксперимента.

— Ты хочешь, чтобы мать родила саму себя в нескольких копиях? Хитро! — Игорь тоже задумался.

Мы с Теей потеряли нить условий и задач их эксперимента, парни еще долго спорили, тут же соглашались друг с другом. А мы переключились на обсуждение гороскопов. Всё равно нам долго ещё ехать до конечной станции метро. Разговоры коротали время. Потом мы немного обсудили знаки зодиака. Илья и Игорь по гороскопу оказались, не близнецами, как ни странно, а стрельцами, хотя оба считали астрологию туфтой на постном масле. Мы еще несколько минут выясняли с помощью переводчиков в телефоне, что за постное масло. И оказалось, что в английском есть oil и butter, в норвежском, каталонском и русском это одно слово и для растительного жидкого, и для твердого животного. «Третье декабря, третье декабря,» — повторила я мысленно, чтобы не забыть. День рождения Ильи и Игоря. Тейя родилась девятого октября. А значит, она весы. Я рак. Я люблю читать гороскопы, хорошо так пишут о раках, и обо мне, в том числе. Раньше я думала, как так, вот взять все население планеты 8,21 миллиарда человек поделить на двенадцать знаков. Шестьсот восемьдесят миллионов раков? «Моя мама говорит, что даже если и есть связь наших натур по дате рождения. Если предположить, что положение планеты в момент твоего рождения хоть как-то влияет. То нельзя взять и по одному представителю судить обо всех людях этого знака. Как и, зная одного белоруса говорить, что все белорусы такие. Тейя кокетливо улыбнулась Игорю, пытаясь вернуть его из устройства в реальность.

— Смотрите. ИИ в чате GPT привел мне занимательную статистику. Оказалось, дети по всему миру рождаются в течение года неравномерно, но это распределение верно из года в год, кроме ковидного года, там чуть показатели сместились. — сказал Игорь, быстро перебирая пальцами по экрану телефона.

— Назовите три самых многочисленных знаков? — спросил он с хитрой ухмылкой. Я стала в голове перебирать дни рождения всех, кого я знаю. Тейя похоже занималась тем же.

— Стрельцы, раки и девы, — предположила Тейя.

— Овны, весы и львы, — сказала я наугад.

— Давайте сменим тему, я тут не эксперт. Я даже не знаю все знаки, — проворчал Илья.

— Оказывается, больше всего рождается детей в июле и августе. Значит, больше всего на планете с большим перевесом львов и раков. Потом

по численности идут весы и девы. Значительно меньше рождается детей в ноябре и начале декабря, это у нас стрельцы и скорпионы, и зодиакальная редкость — водолеи. Это значит, что большинство зачатий происходит в самое темное время года. А в Австралии получается, наоборот. От слова зачатие мои щеки зардели.

— Ура, нам пора выходить. — оживился Илья.

Каждый раз поднимаясь на поверхность около Саграды Фамилии захватывает дыхание. Какие же прекрасные вещи может создавать человек. Игорь стал рассказывать Тейе почему башни собора имеют такую вытянутую форму.

— Архитектор Антонио Гауди подвешивал над зеркалом на верёвочки вес, пропорциональный весу строительных материалов, и считал кривизну параболы. Чтобы башни выдерживали собственный вес. Это я вам скажу большой прорыв для того времени.

— Да, в подвале собора музей, там можно увидеть эту конструкцию и комнату, где Гауди работал и ночевал, чтобы не покидать строительство. — добавила я.

Мы прошли пункт охраны, где просканировали наши рюкзаки и технику. Поднялись к фасаду рождества, на котором воспевалось рождения сына божьего, каждый включил аудиогид в наушниках. Не зря собор святого семейства ежегодно привлекает столько туристов, без лишних слов, он прекрасен. Светлые колонны словно стволы исполинов, солнечный свет, проходящий через разноцветную стеклянную мозаику витражей, высокие своды. Каждая деталь на фасаде, стене или мебели сама по себе произведение искусства. Мы поднялись на лифте наверх одной из башен. Любовались яркими фруктами на маковках. Ничего подобного не испытаете в темным готических католических храмах. В соборе святого семейства, который Гауди посвятил царю христианского мира, заметно, что архитектор вдохновлялся природой. Раковины, животные, растения, что создает ощущение лично у меня, не гения творца, создавшего жизнь на Земле, а что природа и есть наш Бог.

На фасаде распятия мы долго искали скульптуру с лицом Гауди. Игорь, воспользовался помощью поисковой системы.

— Поразительно, какая нелепая смерть, — негодовала Тейя.

— Как можно попасть под трамвай, сто лет назад трамваи ведь были куда медленнее? Фрида Карла тоже попадала под трамвай. Они что витали в облаках? Как можно не заметить гремящую колымагу, и стоять на рельсах, ковыряя в носу? — мне тоже было сложно представить улицы Барселоны столетие назад.

Полдня у меня крутило живот. Зря я съела яблоко. Периодически мне приходилось сдерживаться, чтобы не пукнуть, и внизу живота появлялась режущая боль. Потом она отступала, но спустя время возвращалась.

Игорь вспомнил бородатый каталонский анекдот и очень артистично начал рассказывать.

— Пришли как-то раз в бар каталонец, кастилец и арагонец. Что сделает каждый из них, если в его бокал с вином упадет муха?

— Я только недавно узнала о существовании Каталонии, а кто такой кастилец и арагонец я, увы, понятия не имею. — Перебила Тейя.

Я прониклась уважением, она не боялась показаться невежественной, и не пыталась выглядеть кем-то другим.

— Кастилия и Арагон — это другие районы Испании — пояснил Илья.

— А я вообще не могу понять, в чем приколы анекдотов? И откуда вы про них знаете? — добавила я.

— Лет в двенадцать, я хотел стать комиком, но сам шутки сочинять не умел, искал в интернете, так я и узнал об анекдотах. — пояснил парень.

— Так что? Есть идеи? Нет? Хорошо. Кастилец потребует принести другой бокал, арагонец выкинет муху и выпьет, а каталонец вытащит муху и заставит ее выплюнуть все, что она успела проглотить. — Игорь рассмеялся, хотя явно смеялся над этим же анекдотом не в первый раз.

— Ты так смеешься, как будто ты не беларус, а кастилец, — подколот брата Илья, и мы с Тейей тоже засмеялись и вдруг.

Я расслабилась, или наоборот мышцы диафрагмы напряглись, но я не сдержалась и громко пукнула. Вся наша дружная компания затихла, и тут я покраснела как варенный рак, мне хотелось исчезнуть, умереть, а лучше вообще никогда не рождаться, я закрыла лицо руками и зарыдала. Еще никто не успел прийти в себя. Испанский стыд! Я пукнула прямо перед моей новой норвежской подругой, её парнем, и перед моим парнем, который наверняка бросит меня теперь, зачем ему такая пердунья. А-а-а! Какой кошмар. Когда Мигель пукнул в пятом классе одноклассники издевались над ним год, каждый раз, когда он проходил мимо, они ртом изображали непристойные звуки, а потом еще два года дразнили моего друга. Я развернулась на сто восемьдесят градусов и бросилась бежать.

— Нора, стой, — первой очнулась от шока Тейя и бросилась за мной.

— Подождите нас, мы тоже не хотим нюхать газы! Эх... — крикнул Игорь. Я не видела, но поняла по его возгласу, что Илья толкнул его в бок локтем.

— Погуляйте тут сами, — услышала я обрывистый голос Ильи.

О нет, он бежит за мной.

— Нора, стой! — позвал он меня ласково.

Не понимаю почему, повиновалась его нежной просьбе. Я остановилась и слезы потекли ручьем.

— Нора, милая, — Илья целовал мои ладони, меня захлестывала волна благодарности.

— Нора, ничего такого, подумаешь. Все люди пугают. И даже самые красивые и известные женщины в мире: Анжелина Джоли, Тейлор Свифт, Бьонси и все английские принцессы. Даже, по секрету, между нами, и моя мама. Я слышал. Это естественно. Мы просто люди. — его шепот успокаивал.

— Ты не бросишь меня? А Игорь не будет надо мной смеяться? — спросила я, втягивая соплю обратно в нос.

— Нет, конечно. Уверен, он вообще все забыл, и пусть попробует вспомнить, я ему быстро отшибу память, — Илья виновато улыбнулся и поцеловал меня в уголок глаза. И я ощутила, как наши отношения погрузилась на новую глубину.

На расстоянии

На острове наступил бархатный сезон. Семьи с детьми разъехались, началась школа. Отдыхающие пожилые пары заполнили улицы. С ними как будто замедлился и остепенился весь город.

Я ходила в школу, одноклассники по-прежнему меня игнорировали. Моя мечта стать мегапопулярной блогеркой всё ещё не осуществилась. Но мне было уже безразлично. Я познакомилась и общалась с такими потрясающими людьми. Один из которых, заметьте, мой парень. Что внимание ограниченных подростков, их насмешки и обособленность, меня совершенно не волнуют. Куда разумнее усердно учиться, чтобы поступить в университет Барселоны. И тогда высшее образование откроет дорогу в мир.

С началом школы Тейя писала и звонила реже. Но я не боялась её потерять, необъяснимая уверенность, что Тейя навсегда в моей жизни проникала в глубь фундаментальных убеждений, на которых держались все мои представления о мире. На прощание я подарила ей мой старый бракованный компас.

— Возможно, на производстве намагнитили противоположный конец стрелки. Или ещё по какой-то причине стрелка этого компаса всегда показывает на юг, ты будешь знать, где твоя Менорка. — я протянула подруге памятную вещицу.

— Спасибо, — прорыдала Тейя, уткнувшись в мое острое плечо.

Когда Тейя с Ларсом уехали, я впервые почувствовала себя островом. Море одиночества вокруг, и я на веки обречена, ждать путешественников.

— Да, милая. Каждый человек — остров, мы приходим в этот мир по одному, и уходим в абсолютном одиночестве. Важным становится то, что мы сумели взрастить у себя в душе. — поддерживала мама, когда я поделилась с ней переживаниями.

— Сейчас у нас есть интернет, глобальная сеть, можно позвонить и увидеть дорого твоему сердцу человека в любой момент. — заметила мама.

— Во времена моей молодости это все казалось фантастикой!

Как-то позвонил Ларс, и я увидела, что в мамином мобильнике он называется «Mi corazón». «Почему по-испански?» — удивилась я. (Конечно, мы все говорим по-испански, это наш государственный язык. Но каталонцы, и особенно островитяне предпочитали каталонский, всё ещё жила обида на диктатора Франко, запрещавшего нашим предкам родную речь.)

— Однажды Ларс делился своими познаниями в языках, и когда он сказал Mi corazón, моё сердце, как заброшенный спящий вулкан вдруг пробудилось и горячая лава потекла из груди, наполнив легкие. Тело затряслось. Эти слова как заклинание пробудили во мне будоражащее и нечто живое. — печально улыбнулась Элеонора.

— Не грусти, вдруг у вас что-то получится, — я попыталась поддержать её.

— Вот у Теи и Игоря, может быть, получится. Ведь когда мы молоды, наши чувства овладевают нами полностью. Словно важнее ничего и быть не может. Потому что все переживается впервые, и кажется, любовь всепоглощающая и навсегда! И непременно, взаимна.

— А у взрослых?

— А взрослые... уже переживали нечто подобное, и точно знают, что в любви один всегда любит сильнее. И ты не хочешь быть тем самым одним. Ведь сил и запала переворачивать мир с ног на голову ради любви уже нет.

— Не хандри, Элеонора Карина, тебе это не идет, — я испугалась, услышав ноты отчаяния в мамином голосе, не свойственные её боевой натуре.

— Это всё гормоны, видимо, менопауза! — всхлипнула она.

— Надоела твоя менопауза. Ноешь, как будто климакс конец света? Возьми себя в руки! — вспыхнула я.

— Думаешь, это так просто? Всю жизнь женщина в плену гормон. Менструации, беременность, роды, кормление грудью, потом сворачиваешь лавочку, и вроде налаживается, и тут бац! Пременопаза. Потом менопауза! Наше настроение, рост, вес, здоровье, трудоспособность все, к черту, зависит от этих долбанных гормон. И да, климакс — это «старость» для женщины, потому что без гормонов мы вообще никчемные старушки-ватрушки. Природа задумала нас лишь для размножения. Она жестока к нам, женщинам, — мама заплакала.

— Вот видишь, эта жидкость из глаз тоже гормоны, ненавижу, — прохрипела она.

— Ты больше, чем твои гормоны, мама. Прекрати драматизировать. Тебе до климакса еще лет десять. К тому же женщины выносливее и живут дольше. Я думаю, природа разделила свои дары равноценно, — Элеонора выглядела такой беспомощной, что я вдруг осознала, как ей одиноко.

— Я люблю тебя, — наконец, я подобрала нужные слова, прорвавшие плотину маминых слез.

— Я люблю тебя, моя девочка, — услышала я сквозь рыдания.

Норвегия

В Испании снег выпадает крайне редко. Он приравнивается к священному чуду, но всё же бывает. Даже я помню, в карантинный год перед рождеством улицы Барселоны припорошило словно сахарной пудрой. В Саграда Фамилия выглядел, как пряничный домик. Жизнь остановилась.

Никто не работал. Дети и взрослые играли в снегу. Смеялись, фотографировались, мерзли, пили горячий шоколад. Так что, вглядываясь в иллюминатор самолета, на заснеженную Норвегию, я не сильно удивлялась. Хотя мама закупила теплую одежду и сапогами, которые в Испании не пригодятся.

Ларс и Тейя встречали нас в аэропорту с шуточной табличкой на каталонском «Самые милые испанки!» Видя, как мамины щеки зарумянились, и глаза заблестели, я поняла, что комплементы могут обезоруживать.

— Надо же какая ты оказывается светлокожая, — удивилась Тейя.

— Летом ты была цвета молочной шоколадки, и я думала это твой цвет кожи, у меня никогда не бывает такого ровного шелкового загара. Глазам поверить не могу.

Сама Тейя напоминала эльфийскую принцессу еще больше, чем летом, видимо в этих широтах солнечные лучи не дотягиваются до её лица.

— Что-то снега в этом году очень мало. — Тейя искренне сожалела, ей так хотелось впечатлить нас северной красотой своей родины.

— Моё сердце, мой любимый, как же я скучала, — бормотала Элеонора на каталонском, крепко обнимая Ларса.

— Прости, что ты сказала, я ещё не успел выучить испанский, — виновато пролепетал Ларс.

— Рада тебя видеть, мой дорогой амиго — «перевела» она.

Я хихикнула. Ларс что-то сказал на норвежском, а потом добавил на английском: «Я тоже рад тебя видеть.» Теперь хихикнула Тейя. Да уж, ну и «компашка».

Всю дорогу из аэропорта Осло Гардермуэн до города, где жили Тейя и Ларс, подруга рассказывала о школе, о Норвегии, о планах, о традициях, об Игоре. Который приезжал к ней в прошлом месяце. Он готовится к поступлению в американский университет.

— Вот так рождаешься в маленьком городе небольшой страны, едешь в отпуск, и знакомишься с вами. И теперь вся карта мира помечена местами, куда я планирую отправиться. — пожаловалась она.

В Норвегии все было другим: воздух, небо, оно казалось низким и грузным. Солнце лишь едва показавшись из-за холмов, окрасив облака в ярко-оранжевый вновь погрузилось за горизонт.

— Ха-ха-ха! — засмеялась я, когда в 15:09 стемнело.

— В чём дело? — Элеонора ошарашенно посмотрела на меня.

— Анекдот дошёл, про ночь с ноября по март, — я смеялась так сильно, что заколол бок, но остановиться никак не могла. Я была безумно рада, что мы снова все вместе: я, мама, Тейя и Ларс. И анекдот оказался таким смешным.

Дом Тейи Амундсен (это фамилия Тейи, от ее матери) и Ларса Петерсона был просторный и милый, хотя может быть все дома кажутся уютнее, когда заходишь в тепло с мороза. Пахло деревом и немного дымком от дровяной печки. Захотелось забраться под плед и читать весь день книгу или тупить в телефоне.

Меня поселили в комнату к Тее на раскладушку. Мама заняла спальню Ларса. А хозяин дома застелил себе диван в рабочем кабинете.

— Приходите в себя, а на выходные мы отправимся в хьюту, кататься на лыжах, — поделилась планами Тейя.

— Хьюту?

— Да, кабинс, домик в глуши, — объяснила подруга. Вечером я тебя познакомлю с Туне и Ингрид. Я им все уши про прожужжала. — засмеялась она.

Тейя и Ларс оказались гостеприимными хозяевами, они показали нам дом, рассказывали интересные детали жизни в Норвегии. На ужин мы ели картофельное пюре и фрикадельки.

— Как же все напоминает Икею, — пошутила Элеонора.

А когда зашли Туне и Ингрид мы удалились в комнату Теи. На окнах светились бумажные рождественские звезды.

— Эта традиция зародилась очень давно. Чтобы в пургу и путник смог различить звезду и понять, что рядом жилище. Сигнал, что тут ты сможешь спастись. — сказала Ингрид.

Мы беззаботно делились пожеланиями, кто какие подарки хочет получить на рождество. Тейя хотела поездку на Менорку на февральские каникулы.

— Тебя ждёт разочарование. Зимой в Испании влажно и пронизывающий холодный ветер. — честно сказала я.

— Зато там куда больше солнца, чем здесь. — улыбнулась она.

— И зовут твоё солнце — Игорь,» — добавила я.

И девчонки прыснули со смеху.

— Представляете, Магнус соседский мальчик лет десяти, наложил кучку прямо в бензобак отцовской газонокосилки. Никто и представить не может, как он изловчился. Газонокосилка, естественное дело, сломалась. А его отец, когда узнал в чем дело, так разозлился, что Магнус остался без подарков на рождество в этом году. — рассказала Туне о звезде местных новостей.

Иногда девочки переходили на норвежский, и мне становилось жутко неловко. Казалось, они обсуждают меня или не хотят, чтобы я учувствовала в разговоре. Тейя старалась тут же переводить.

— Извини, мозг такой ленивый, когда мне сложно сказать по-английски и я знаю, что Тейя и Ингрид поймают по-норвежски, слова сами вылетают. — объяснила Туне.

Тейя пришла на выручку подруге:

— Она просила рассказать тебе историю, как Магнус забрался в мусорный контейнер, просидел там полдня, поджидая нас, и когда мы проходили мимо, он выскочил, как черт из табакерки. А мы испугались и визжали на весь город.

Мне безумно захотелось познакомиться с местной легендой озорником Магнусом, четвертым ребенком в семье Стёре. Жаль, что у меня не то, чтобы смелости, у меня и фантазии не хватит на такие проделки.

Я вдруг подметила, что на Менорке, когда приходят друзья, если на улице не жара плюс сорок, нам хочется выйти прогуляться на набережную, посидеть в кафе. А здесь, на севере, и я каждой клеткой своего тела чувствовала север, здесь хотелось сидеть в этой уютной теплой избушке с друзьями и наслаждаться замедленным течением времени. Оставшись, наконец одни, лежа в кроватях мы делились с Теей сокровенным. Обсуждали отношения, как же нас угораздило втюриться в славянских парней. Мысленно я благодарила себя за активное изучение английского, очень помогали мои частые воображаемые и реальные беседы с Теей перед сном. Сейчас я не заглядывала в переводчик на смартфоне, память подкидывала мне нужные слова и выражения. Какая же это свобода, когда языковые ограничения не сковывают речь. Всё-таки практика очень важна для владения иностранным.

— У тебя есть middle name? В Норвегии принято давать двойные имена? — друг меня осенило, что я никогда не спрашивала Тейю о её втором имени.

— Странно, что ты вдруг спросила. Да. Оливия. Тейя Оливия Амундсен. — Тейя, зевнув, посмотрела на наручные часы.

— Ой, уже поздно. Такой длинный день. Спокойной ночи, Нора.

— Спокойной ночи, эльфийская принцесса. Мне нравится, твоя страна, — мне правда казалось, что я гощу в скандинавской сказке.

Аврора

Элеонора мечтала увидеть полярное сияние. Ещё готовясь к поездке, она тысячу раз пересмотрела видео в интернете. Присылала мне ссылки на фотографии, статьи и ролики. «*Aurora Borealis*, неправильно называть это явление северным сиянием, потому что она бывает на Южном полюсе тоже. Извержения солнечной радиации ловятся магнитным полем земли и люди могут наблюдать изумрудные всполохи. Но ближе к полярному кругу. Я скачала приложение, которое предсказывает вероятность сияния в твоей точке. — мама буквально давилась словами, тараторя факты о сиянии.

— Боюсь, вас разочаровывать, но это редкое явление в наших широтах. Надо ехать ещё севернее, в Тронхейме больше шансов. — Ларс листал фотографии в телефоне.

— О, нашел вот фото сияния, из нашего окна в прошлом марте.

— Потрясающе! — восхитилась Элеонора и схватила Ларса за руку. От прикосновения оба влюбленных сцепились взглядами и, кажется, позабыли обо всем на свете. Мы с Теей переглянулись.

— Ларс тебе что-нибудь говорил про их отношения? — спросила я Тейю, когда мы отправились в комнату собирать вещи.

— Нет, но иногда мы понимаем друг друга без слов. Например, когда он сообщил, что вы приедете. Я поняла, как много ваш приезд для него значит. В частности Элеоноры. Он и называет её, не иначе, как моя муза. После возвращения с Менорки его накрыло вдохновением, он много работал. Сейчас готовится к изданию его новая книга. — поделилась Тейя.

— Моя мама втюрилась, и это серьезно. Даже я в свои четырнадцать, хоть и тоже влюбленная дурочка, но порой, кажусь, адекватнее. Хотя может дело в гормонах, — я многозначительно пожала плечами.

— Если у них всё серьезно, мы можем стать сводными сестрами, — Тейя соединила пальцы в виде сердца.

— Да, а если мы ещё выйдем замуж за братьев близнецом, сюжет дешевого сериала, — рассмеялась я.

— Как по мне слишком много если, — вздохнула Тейя.

И тогда я загадала, если в эту поездку мы увидим полярное сияние то, мама и Ларс будут вместе. Если нет, загадаю то же самое в следующий раз. Но решила никому пока не говорить.

— С ума сойти, ты видел цены на вино? Мало того, что в Испании вино можно купить дешевле воды. То тут, оно в десять раз дороже, мама дорогая. Ларс, ты должен был предложить мне успокоительно прежде, чем заходить в этот «Винмоннополет». Винная монополия — это жестко!» — кричала пораженная Элеонора.

— Ничего подобного, это вполне успешная программа по предотвращению распространения алкоголизма. Она замечательно работает. Тем более сомелье, выбирающие вина, закупают лучшие партии. — оправдывался Ларс.

—«No hay vino malo, sino poco o mucho.» – как говорят испанцы. Нет плохого вина, есть лишь мало или много. Спорить с тобой я не хочу. Но вина мне расхотелось, даже к празднику. Ох! Мне срочно нужен мой скетч бук и карандаш, есть идея эскиза для новой картины матки. — гордо вскинув голову, Элеонора осторожно шла по сколькому льду к электрической тойоте Ларса.

— В Норвегии общий объем продаж электромобилей достиг 89,3%. Это при том, что здесь добывается нефть. — хвастался Ларс, он восхищался, что его страна на первом месте по переходу на более экологические ресурсы.

— А мы в Испании пьем дешевое вино, едим фрукты круглый год и ездим на общественном транспорте. И двигаемся медленно, чтобы беречь на жару жизненную энергию, — констатировала Элеонора.

К хьюте мы добрались в крошечной темноте, около четырех дня. Как они вообще распознали свою избушку. Ларсу пришлось поработать лопатой, разгребая калитку.

— Что? Ёлка на крыше? — сказали мы с мамой практически хором. Элеонора скорыми движениями начала набрасывать новый эскиз. По дороге сюда она изрисовала пол-альбома.

— Нора, фоткай, фоткай. — указывала пальцем в ту или иную сторону. Ларс с нескрываемым восхищением любовался вдохновлённой Элеонорой, и её работами. «Творец творца видит с торца» или как там, говорил Илья. Кажется, там были рыбаки. Точно, рыбак рыбака видит из далека. Есть все-таки что-то неуловимое общее в этой парочке.

Тем временем, Ларс открыл дом и начал заносить пакеты с продуктами и вещами внутрь.

— Ах, можно я не буду снимать курту, так холодно, — простонала я. У меня стучали зубы, а ступни сводили судороги.

— Сейчас, сейчас южане, растопим печь, будет как в Испании летом, — Ларс торопливо забросил поленья в печку.

Поджег газету, и шаловливое пламя заплясало за стеклянной дверцей печи.

— Надень, — Тейя протянула мне носки из овечьей шерсти, они кололись, и пахли хлебом. Но грели прекрасно, я снова почувствовала пальцы на ногах. Какое же это блаженство.

Ларс суетился на кухне:

— Блюда норвежской кухни скромные, но питательные. В нашем климате не было специй и разнообразия. Картошка, мясо, морковь, лук, рыба, вот все основные ингредиенты. Ещё мы любим делать бутерброды. Намазывать майонезные салаты на хлеб и есть.

Я жутко проголодалась, поэтому взяла мандарин из пакета, почистила и наслаждалась холодной цитрусовой сладостью. Мамин телефон начал верещать. Она торопливо посмотрела на экран, её глаза расширились, и она закричала:

— Скорее! Все на улицу! Полярное сияние! Мы можем его увидеть с вероятностью девяносто процентов.

— Это всего лишь оповещение с приложения, но может быть облачно. Тут редко, к сожалению, чистое небо. В Шушоне последний раз наблюдали полярное сияние в год олимпиады в Лиллехамере.

— Не думала, что ты такой скептик, Ларс. Если тебя этим природным явлением не впечатлить, то уж и не знаю. — Элеонора торопливо натягивала длинные сапоги.

— Конечно, это чудесно, просто вы должны понимать, это очень редкая удача. Туристы ошибочно полагают, что у нас Аврора каждый день. — Ларс выключил плиту и тоже начал одеваться.

— А-а-а! — закричала мама.

И я уже из коридора поняла, что в небесах искрятся ленты зеленого сияния.

— Я поверить не могу. Нора! Ларс! Тейя! С ума сойти! Я вижу, я вижу. Господи, я плачу. F*ck, но почему так холодно? — Элеонора, крутилась, запрокинув голову вверх.

Вместе со всеми я выбежала на дорогу, и дрожащими руками наводила камеру телефона на небо. Мне тоже хотелось плакать от счастья. Алые и изумрудные волны извивались прямо над нами.

— Я вижу сияние, сияние. Ларс! — Элеонора поспешно вытирала перчаткой слезы.

Тейя счастливо улыбалась глядя вверх. Черное небесное полотно будто разорвалось и зеленые нити тянулись вверх, выползая из прорехи. Фиолетовая волна пробежала сквозь звезды и втянулась куда-то вверх прямо надо мной. Я с трудом чувствовала пальцы, но продолжала снимать видео и фото на долгой выдержке получались еще лучше. Сияние через камеру казалось ярче. И оно «транслировалось» панорамно на 360 градусов. Снимаю, пока кисти не задубеют. Всё кадры отправлю Илье. Чтобы он тоже смог любоваться этой красотой. Мамины возгласы и всхлипы стихли, но мы с Теей не сразу заметили, что они с Ларсом стояли, крепко обнявшись и их губы слились в поцелуе. А может, мы просто сделали вид, что не замечаем.

Сочельник

— Подъем, красавицы! Лыжи ждут! — Ларс вежливо постучал в дверь нашей комнаты.

— Сегодня канун рождества, нам многое нужно успеть, — поторопил он.

Вчера мы ездили на елочный базар в центре Лиллехамера. Поели в кафешке маленькие датские блинчики. Мама купила фигурку тролля лыжника в сувенирном магазине. Я набрала открыток с ниссе и гномиками в грибных шапочках. Выпили горячего шоколада, купили шерстяные варежки и шапки с норвежским флагом. Что меня поразило, норвежский флаг украшал почти каждый элемент одежды, и это не только мерч для туристов. Местные как один ходили в таких же головных уборах. Одним словом, когда мы вчера украшали елку, пекли пеперкаеры — норвежские имбирные пряники. Праздничное настроение забралось под ребра, и мы все предвкушали настоящее рождественское чудо. И вот сегодня, сочельник, я проснулась с легкой щекоткой в районе солнечного сплетения.

На завтрак Ларс и Элеонора напекли вафли. Норвежская часть нашей компании ели их с коричневым сыром. Вкус этого местного деликатеса отдаленно напоминал топленное молоко, и был настолько непривычным, что мы не смогли доесть даже один кусок, который нам дали на пробу. Чем обидели чувства Теи и Ларса, хотя они скрывали своё разочарование, как могли. Но вафли были улётные, и их форма сердечком умиляла нас обеих. Щедро намазав клубничного варенья на вафлю, мама с нескрываемым наслаждением ела выпечку. Кофе, как мы заметили норвежцы пьют круглосуточно. Наверное, если за окном подавляющее время темно, то отгонять кофеином сон приходится постоянно. После завтрака мы оделись, Ларс раздал всем лыжи и палки, и мы отправились на прогулку. Несмотря на все наставления Ларса не одеваться тепло, мы надели всю теплую одежду. Тяжело было раставаться с шерстяными носками, но в них нога не влезала в лыжный ботинок.

— На лыжах при движении вам будет жарко, нужно одеваться так, чтобы было слегка зябко, — советовал Ларс.

Но поверить ему мы не могли. Как может быть жарко, когда температура воздуха минус десять? Чтобы вы понимали самая низкая температура на Менорке зимой плюс десять. Плюс. Тут я вижу свое дыхание. Облачко пара выходит из-за рта, когда я говорю.

— Посмотрите. Я дракон! — и выдула струю пара.

— Это ещё что, в прошлом году в январе ударили морозы, было около минус сорока. На другой стороне улицы шёл дед. И сзади выходили облака горячего газа. — Тейя, прикрыв рот рукой, захихикала.

Я пару раз в голове прокрутила то, что она сказала. И лишь тогда поняла.

— Он пукал? — озадачено спросила я.

— Да, не слышно, но в мороз дед выдал себя облачками, — пояснил Ларс.

Выход на лыжню оказался достаточно близко к нашей хюте. Ларс помог нам с мамой прикрепиться к лыжам.

— Толкайся скользи, правая рука, левая нога. — получали мы уроки «лыжи для чайников».

Ноги разъезжались, я вцепилась в палки, попыталась пойти на лыжах, но это оказалось не просто. Неуклюже и медленно.

— В чем прикол? — спросила Элеонора, оглядываясь вокруг.

Лыжня уходила в бесконечность и справа и слева, и по ней в обоих направлениях катились счастливые норвежцы, молодые и старые.

— Почему им всем это нравится? — шепотом спросила мама.

У нее дела обстояли еще хуже, она уже пару раз упала, причем на ровном месте. Спустя какое-то время, пока Ларс терпеливо объяснял нам технику классического стиля. Мы все-таки сдвинулись с места.

— Я поняла, поняла, почему все на лыжах! — засмеялась мама.

— Мне стало жарко. Я чувствую, что по-прежнему морозит, но мне уже не холодно, — пояснила она.

— Вот теперь и вы немножечко норвежки, — Тейя ехала рядом по широкой лыжне коньковым ходом.

А мы как паровозики в рельсах лыжни. Это потому, что у нас другие лыжи. Собственно, Тейя одолжила мне свои классические. А Ларс — маме. Лыжня вела нас в сосновый лес через широкую снежную равнину. Виднелись холмы, усыпанные маленькими домика, из труб которых тянулись струйки дыма. Солнце ярко светило, но не грело совершенно.

— Удивительно, подождите, пожалуйста, мне нужно сфотографировать, — просила Элеонора.

Людей на лыжне и правда, было очень много.

— Что вся Норвегия в сочельник на лыжах? — спросила я.

— Нет, только половина. Обрати внимание, что сегодня катаются мужчины, молодые девочки. Женщины наверняка, готовятся к застолью. А

вот завтра, здесь будет много женщин. По крайней, мере по моим наблюдениям, — Тейя прищурилась, подставляя лицо солнцу.

Забираться вверх холма было сложно, лыжи предательски скользили назад. Я оперлась на палки. И ощущая себя первопроходцем на северном полюсе, карабкалась вверх. Мы на самом краю света. Только снег и холод вокруг. Тут уж пришлось расстегнуть молнию куртки. Мама последовала моему примеру. А потом был спуск. Лыжи плавно скользили вперед, и без всяких усилий неслись вперед. Холодный ветерок щипал щеки. Я начала получать удовольствие от лыж, от зимней снежной сказки. Вспомнила, как Тейя жадно вглядывалась в пейзажи Менорки, чтобы они крепко засели в памяти. Я тоже стала всматриваться в каждую мелочь. В мшистые еловые лапы, в снежные шапки, под тяжестью которых макушки деревьев загнулись. Искрящийся снег, словно алмазная крошка. Пушистые сугробы, так и хочется плюхнуться в эту пуховую перину. Бух, вот я и влетела в сугроб на повороте. Мягко.

После прогулки мы оживленно беседовали, шутили. Мышцы устали, но нашу компашку захлестнул эмоциональный прилив сил. В домике мы с Теей приняли душ, позвонили по фейс тайму Игорю, как ни странно, Илья был рядом. Я рассказывала, как тут прикольно. Ребята сообщили, что прилетят в Осло уже через неделю праздновать новый год.

— А отпразднуем рождество уже на Менорке. — сказал Илья.

— Но рождество завтра? — хором поразились мы с Теей.

— Завтра — католическое, а православное седьмого января, — пояснил он.

Мы с Теей недоуменно переглянулись. Было, конечно, приятно осознавать, что я тут не единственная дура, которая впервые слышит про православное рождество в январе. Но перспектива отпраздновать рождество второй раз нам понравилась. Ох, и угораздило нас влюбиться в людей, которые и рождество празднуют в другой день.

Не знаю, сколько мы проболтали. Не меньше часа, наверное. Потом Ларс позвал нас помочь сервировкой стола. И мы, наговорив всякой мимишной чепухи нашим пассиям, распрощались.

Праздничный ужин после лыж показался пищей Богов. Жаренная баранина, варенная картошка со сливочным соусом и клюквенным джемом. Хлеб с семечками подсолнуха. Домашний яблочный сок. На десерт

марципановый торт и рождественская газировка. Специальный темный напиток джульбрюс. По вкусу напоминает смесь крем соды и колы. Мне понравился.

— Будь добр, Ларс, налей, пожалуйста, ещё стаканчик. Джульбрюса. — попросила я.

Норвежцы выглядели довольными, кажется, мы реабилитировались после неудачи с коричневым сыром.

Настала пора подарков. Мамин подарок Ларсу был упакован в картонный тубус. Тейя предположила, что у них дома будет красоваться оригинал «Начала начал». И она угадала, сюрпризы не сильная сторона Элеоноры. Тейя подарила мне пару шерстяных носков. Я подумала, может я так в них вживусь, что не буду снимать и в Испании. Но что-то мне подсказывало, что на Менорке в них будет жарковато. Ну ладно, даренному коню зубы не чистят. Ой, перепутала. *A caballo regalado, no le mires el diente* — Даренному коню в зубы не смотрят.

Итак, подарки. Я подарила Ларсу книгу каталонских сказок на английском, спасибо Федерике за подсказку.

— Лучший подарок для писателя — книга. — советовала анти-мама.

— Зачем книга тому, кто сам может написать себе какую хочешь книгу. — спорила я.

— В том то и дело, книга — это выжимка лучших мыслей, концентрат личности и его восприятия. Прочитать книгу, это как увидеть мир его глазами. — пояснила она.

На том и сошлись. Каталонские сказки для погружения в культуру и традиции самое то. И мой подарок пришелся по вкусу. Ура! Тее мама подарила авторский скетч бук с акварельными пейзажами Менорки. И по блеску в ее глазах мы поняли, что с подарком попали в «яблочко». А я блокнотик для записей.

— Может заведешь дневник, по старинке, на бумаге, — я знала, что Тейя любит записывать приятные моменты в файле блокноте в телефоне, и перечитывать, когда становится грустно.

Ларс подарил мне распечатанную ещё неизданную рукопись.

— Правда, художественный перевод на испанский сделал чат GPT. Не исключая, что испанская версия книги может оказаться лучше оригинала. Я

не могу проверить. Это история про дружбу двух девочек. Одна смуглая испанка, вторая светловолосая норвежка. — рассказывал Ларс.

— Открывай свой подарок скорее, — обратился он к дочери.

Тейя получила свою копию на норвежском, и только тогда мы заметили, что книгу Ларс посвятил свою новую работу нам обеим. Я светилась от счастья. Как же классно дружить с писателем, обязательно попадешь в его историю. Тейя помрачнела, и покусывая губу, огрызнулась:

— Значит, теперь у тебя, кроме меня, у тебя ещё две музы.

— Не ревнуй, милая. Ты мой самый главный человечек. Но когда Элеонора и Менорка с нами, я чувствую нас большой семьей. А ты? — Они говорили на норвежском. Но аудио переводчик, включенный в моем телефоне, написал именно такой перевод.

— Кажется, я догадалась, что ты подаришь Элеоноре, — сквозь зубы процедила Тейя.

— Ой, вы что-то сказали про меня. Я слышу свою имя, — мама улыбнулась обезоруживающей улыбкой, разряжая атмосферу.

— Я спросила, а где же подарок для Элеоноры, под елкой не осталось никаких свертков, — Тейя старалась говорить максимально спокойнее.

Я никогда не видела её такой рассерженной. Неужели она и в правду ревнует? Я уже смирилась с маминой влюбленностью, а знать, что нас с Теей связывают отношения родителей, ещё приятней. Разве нет? Вдруг для неё это не так.

— Ой, ничего страшного, думаю мы с Норой поделим эксклюзивную копию книги. Я подозреваю, она написана для подростков, но в душе я подросток. — засмеялась мама.

— Это точно, — я тоже глупо рассмеялась, хотелось поддержать маму.

— Нет, Элеонора, твой подарок висит на елке, — Ларс сел на одно колено, снял с ветки кольцо, которое никто почему-то не замечал, протянул его маме и спросил:

— Элеонора Карина Кастаньеда Родригес, будешь ли ты моей женой?»

— Стоп! — закричала Тейя.

— Стоп! — закричала я.

Ларс удивленно уставился на нас. Элеонора не реагировала, она было в шоке ещё от предложения Ларса.

— Ларс, давай ещё раз я запишу видео! Почему ты не предупредил нас?
— телефон от волнения выпал из рук, и разблокировать его, чтобы включилась камера получилось с третьего раза.

— Кадр первый. Дубль второй! Камера мотор! — сказал я, и мы с Теей нажали на красный кружок.

Мама стояла с вытаращенными глазами, прикрыв руками открытый рот.

— Ущипни, меня Нора. Ущипни, кажется, я сплю! — прошептала мама.

Смущенный Ларс так и стоял на одном колене, с вытянутой рукой, в пальцах блестело кольцо. В его голове явно был другой сценарий.

— Элеонора, согласна ли ты быть моей женой? Тейя, согласна ли ты чтобы Элеонора и Нора официально стали нашей семьей? Нора, согласна ли ты взять меня в отчимы? — Ларс покорила нас всех.

Тейя зарыдала. У меня защипало в глазах.

— Да! — сказали мы хором.

И сияющий Ларс надел на покрасневший немного отмороженный палец Элеоноры кольцо. И вдруг, глядя на кольцо мама засмеялась. Истошно, и похрюкивая, она схватилась за живот. Все недоуменно наблюдали за ее припадком.

— Надо было попросить справку от психиатра перед тем, как делать предложение, — пошутила Тейя, хотя я подумала, что в каждой шутке есть доля правды.

— Нет, она приехала сюда здоровой. Она сошла с ума от счастья. От любви? От норвежской селедки? — предположила я.

— Нет, нет, — мама захлебывалась от хохота.

— Спайдермен! И тут я вспомнила, как папа Алехандро пообещал нарядиться в спайдермена.

Я представила деда в костюме и тоже начала хохотать.

— Кажется, у нас эпидемия хохота. Пап, у нас есть маски? Или уж поздно? — Тейя озабоченно огляделась.

Она по-прежнему снимала видео. А моя камера лежала на полу. Когда мы насмеялись до слез и соплей, и смогли рассказали норвежцам про деда, который пообещал, нарядится спайдерменом на свадьбу. Они успокоились. У смеха была причина, а значит мы сошли с ума.

Мы с Теей долго ворочались в кроватях, пытались представить, как теперь будет выглядеть наша жизнь вместе? Понятное дело, моя школа там,

Теи — тут. Будущее представлялось туманным. Мы будем кочевать, или родители жить то в Норвегии, то в Испании, а все вместе мы будем видаться на каникулах. Какой-то цирк? Или взрослые, как всегда, придумают решение сами, а нас поставят перед фактом.

— Тейя, а почему у вас в туалете картинки норвежской королевской семьи. Даже какие-то старые ее короли? Тебе не кажется это странным? — вдруг спросила я.

Сосредоточенное лицо подруги резко преобразилось, она захихикала в подушку. Внутренняя щекотка овладела и мной, я сотрясалась от смеха. Мы хохотали, как сумасшедшие минут десять. А потом Тейя с трудом объяснила, что да, в Норвегии в туалетах хьюты действительно много портретов королевской семьи. И именно старые. Скорее всего, когда люди использовали газеты вместо туалетной бумаги, подтереться изображением короля никто не мог себе позволить из уважения, его вырезали и вешали на стену. Но это не специальная традиция, это происходило само собой.

— Если бы ты не спросила, я бы никогда не задумалась об этом. Забавно.

Наконец, сон стал одолевать нас. Но мертвую северную тишину нарушили подозрительные шорохи и стуки из родительской комнаты. И мы с Теей сгорали от стыда и неловкости не могли уснуть. Мы долго пытались претворяться, что крепко спим, но я не выдержала и настрочила сообщение маме: «Можно потише? Это же неприлично!» Я знаю, она прочтет сообщение на часах. Кажется, не прочла.

Наконец, стало тихо, как тихо бывает только в избушке в дремучем лесу на краю земли посреди долгой зимы. И я крепко уснула. *La almohada es un buen consejero* — *Утро вечера мудренее*. Тем более завтра самое волшебное утро в году. Утро рождества.

Рождество

Рождественским утром первым делом я позвонила бабушке с дедушкой. Поздравила с праздником. И рассказала шокирующие новости. Бабушка тоже хохотала, представив деда в костюме супергероя. Так приятно было болтать на родном языке. Будто нажали кнопку в мозге, и я затараторила на

каталонском. Испанский тоже как родной. Он и в школе и всюду. Да, каталонский очень похож на смесь испанского и французского. Французский я понимаю, но не говорю. С английским труднее. Но что меня поразило в Норвегии. Абсолютно все, даже бабушки в супермаркете с которыми получилось перекинуться словечком, бегло говорят по-английски. Вот и по нерушимым традициям предков Теи и Ларса в рождество мы отправились праздновать с родителями Ларса. Бабушка Турель предложила нам рисовую кашу на молоке. Я сразу вспомнила сказку, где домашнего ниссе, домашнего в рождество обязательно нужно угощать кашей в благодарность за его работу. Иначе он обидится. Каша была жутко калорийной, в ней, наверное, была тонна сливочного масла. Мы с трудом смогли съесть три ложки. И хоть мы боялись оскорбить гостеприимных хозяев, кашу мы оставили практически нетронутой. Зато обе попросили дополнительный кусочек Юлекаке, рождественского пирога с кардамоном и цукатами. Взрослые выпили по бокалу вина, мама спела песню на испанском. «Удивительные эти норвежцы,» — подумала я. Незнакомые прохожие кажутся угрюмыми и неприветливыми. Не то что испанцы, улыбающиеся каждому встречному. Но когда ты попадаешь в круг из близких, они принимают тебя тепло и радушно. И даже если ты самый застенчивый человек на планете, тебе с ними комфортно и уютно. Поразительно. Ещё до того, как Ларс сообщил о помолвке, нас принимали как родственников. Что началось после. Слезы, объятия, показы старых семейных альбомов. Черно белые фотографии голого малыша Ларса. Голая попка малышки Теи тоже не ускользнула от кадров бабушки папарацци.

— Я всегда увлекалась фотографией, — старушка Турель с нежностью листала страницы фотоальбома.

Перед её глазами мелькали счастливые годы прошедшей молодости. Перед моими — прошлое Ларса и Теи до того момента, как они попали в нашу жизнь.

— Понимаю, почему на севере предпочитают крепкие напитки. Это в теплой Испании можно танцевать на улице, петь и сочинять стихи до рассвета, выпив один бокал сухого вина. То тут, на морозе, трезвеешь после первого вздоха. Да, и пища! Мама дорогая, какая калорийная пища. Майонезы, масло, удивительно, что вы все подтянутые и стройные. В чем секрет? — выпытывала Элеонора у Ларса.

— Наблюдательная ты моя, а ведь и верно. Как сильно климат выживается в нас. — Ларс, задумавшись, почесал нос, потом достал телефон и что-то написал.

— Это заметки, писатели всегда записывают идеи и мысли, подслушанные диалоги и просто любопытные факты. — объяснил он.

После обеда у Петерсонов, мы всей гурьбой, сложно оказалось привыкнуть к слову семьей, отправились, куда бы выдумали? К Амундсенам, да, совершенно верно, родителям мамы Теи. Ларс уверенно держал маму за руку. Она выглядела растерянной, совсем не той независимой волевой женщиной, какой я ее всегда знала, это была для неё новая среда, словно ловкая и проворная в воде рыба, она попала на сушу. Гудрун и Витарр (я записала норвежские имена, потому что сложно заполнить непривычные уху слово, которые слышишь впервые) встречали нас по-простому, без церемоний и этикета, хоть мужчины были в костюмах. Ларс шутил, все смеялись, часто переходя на норвежский, забывая, что мы на нем не говорим. Но мы смеялись вместе со всеми, чтобы не выбиваться, да и просто было приятно наблюдать, как веселятся норвежцы в именины Христа. Вдруг все смолкли, взгляды устремились на маму.

— Поздравляю, какая прекрасная новость! — сказала бабушка Гудрун.

— Наконец, и Ларс женится, меня не будет мучить совесть за его разбитое Идой сердце, — дедушка Витарр искренне радовался.

В общем, в доме Амундсенов маму обнимали, поздравляли, не меньше, чем Петерсоны, не удалось избежать ласк и мне.

— Ида, значит, её зовут Ида Амундсен, — обреченным голосом сказала мама, когда мы вышли из машины. Я попыталась повторить её интонацию:

— Эдуардо, значит его зовут, Эдуардо Рафаэль Гонсалес Гарсия!

Мама засмеялась, и толкнув меня в сугроб, повалилась рядом. Мы лежали в снегу, уставившись на звездное небо. И почти наверняка, обе думали о том, как же нас занесло так далеко на север. И почему так быстро мы его полюбили. Мы махали руками и ногами, рисуя ангелов. А вдруг наши ангелы хранители норвежцы? Вот и придумали для нас такую судьбу? Да, тогда у Ларса и Теи ангелы каталонцы, как же долго им пришлось планировать нашу встречу!

— Тейя, деточка, прыгай к нам, — с материнской нежностью позвала её Элеонора.

По лицу Тейи скользнуло непонимание, но в следующей же мгновение она плюхнулась рядом.

— А можно и мне к вам? Или это девчачий клуб? — деликатно навязывался Ларс.

— Прыгай, красавчик! — ответила мама, и мы все вместе загоготали, как стайка гусей.

— Полежали и хватит, кажется, моя задница отморозилась, я ничего не чувствую. Девочки, скорее в тепло, — мамочка гусыня вскочила, и принялась отряхиваться. Счастье переполняло меня, как вода стакане, наполнив до краев внутри, оно стекало по внешним стенкам, и казалось, я свечусь. Как же хорошо жить, любить, смотреть на звезды, валять в снегу, вдыхать морозный воздух, и понимать, что живая. Определенно я хочу, чтобы и этот фрагмент моей земной жизни я прожила заново в самые последние три минуты. Что вообще ждет нас после смерти? Три минуты галлюцинаций, сон с полными ощущениями самых счастливых моментов, а во сне время растягивается, что, если эти минуты покажутся мне такими же длинными как сама жизнь? Царство небесное? Перерождение души? А вдруг ничего? Почему-то, когда я думаю, что после смерти пустота, никакой вечной жизни или возвращение на землю в новом теле, никаких других попыток, то ценность жизни в разы возрастает. У тебя есть всего одна возможность быть счастливой, и ты обязана её использовать.

Дома Элеонора всем предлагала потрогать её отмороженные ягодицы. Но согласился только Ларс, несмотря на наши с Теей закатанные глаза, а мы демонстративно закатали зрачки, наверное, до затылка. Ларс, глупо улыбаясь, всё же приложил теплые ладони к ляжкам Элеоноры.

— Матерь, моя женщина, я не чувствую пятой точки. Не ощущаю твоих рук! Ларс, милый друг. Скорее топи печку, я отогреюсь у огня. — верещала она.

— С Рождеством нашу интернациональную семейку, — Ларс приподнял кружку кофе.

— Скол! — торжественно крикнула Элеонора, поправляя накинутый на плечи кусок козьей шерсти, взятый с кресла, и чокнулась стаканом воды.

— Скол! — дружно подхватили мы с Теей. Комната освещалась только пламенем из печи, зажжёнными восковыми свечами на столе и окнах, и тусклый теплый свет от рождественских звезд на окнах. (Я обратила

внимание, что над каждым окном был крючок.) Свет создавал необыкновенно уютную атмосферу.

— Что скажите, мы прошли посвящение в викинги? — спросила я.

— Стереотипы страшная вещь, все ассоциируют норвежцев с агрессивными викингами, а мы миролюбивые фермеры и рыбаки. — пояснил Ларс.

— Это христианство вас приручило. Боже, в Испании католики вводили жуткие ограничения, это была строгая очень религиозная страна, все по заповедям и моралям. Отчего появился самый любимый праздник карнавал Carnestoltes прощание с зимой, когда люди строгих правил позволяя себе всякие безумства, протестуют против церкви и политиков. И тут каждый каталонский город соревнуется у какого города самая сумасшедшая традиция. Например, Берда и Гондаль на главной площади люди бросаются друг в друга мукой. А в Виланова и ля Гельтру кусочками меренги, они пекут огромное беже, и разрезают его на мелкие кусочки. Жители Сульсоны поднимают на верёвке фигуру ослика, и когда он возвышается над толпой, все поют, а ослик начинает мочиться, — Элеонора прервала рассказ и засмеялась.

— Ларс, Тейя, видели бы вы ваши лица, будто я рассказываю вам о каких-то непотребствах. Ослик — это ещё вполне себе прилично. Вот в Туральё все танцуют вокруг фигуры мужчины с торчащим членом, а потом его отрубают. И отрезанная конечность продолжает танцевать сама по себе, и когда ее прикрепляют к насосу и бочкам с водой, мощный фонтан орошает всех присутствующих.

Тейя поморщилась, явно усомнившись в веселости каталонских празднований.

— М-м, какая вкусная вода в Норвегии, не могу напиться, — восхитилась Элеонора.

— Да, на островах вода обычно бутылочная привозная или выпаривают соль из морской воды. Помню, на Менорке приходилось покупать воду, — вспомнил Ларс.

— Уже поздно, девочкам пора спать. Завтра выезжаем на фьорды. — напомнил он.

Ларс складывал посуду в посудомойку. Элеонора протирала стол. Тейя задула свечи, в печи догорали поленья, алые линии пробежали по тлеющим углям. Путешествуя, мы примеряем на себя чужую жизнь, их обычаи, быт,

пищу, климат. Засыпая, я представляла себя воинственной Валькирией, забирающей души павших викингов в Вальхаллу, где они всю вечность проводят в сражениях и пирах.

Фьорд

Утром мы выехали перед рассветом. Солнце еще не поднялось, но небо посветлело, снег отражая розовеющие небеса излучал перламутровый блеск. За окнами автомобиля мелькали поля и одинокие домики, выкрашенные в красный или тёмно-синий цвета. Мы проезжали по мостам через озера, узорную старинную деревянную церковь, построенную без единого гвоздя, туннели, выдолбленные в скалах, казались порталами в мир троллей и гномов. Норвежцы явно почитают фольклор, крупные статуи сказочных персонажей радовали нас повсюду. Деревянный и каменные тролли большие и маленькие выглядели так натурально, что никаких сомнений в их существовании у нас не осталось. Тем более в почти двадцати пятикилометровом туннеле, с кругами и разноцветной подсветкой.

— Подсветка для того, чтобы у людей не случались приступы клаустрофобии, а большие вентиляторы прогоняют воздух, чтобы кислород циркулировал в туннеле и не застаивался, — Ларс съехал на полосу для остановки и припарковался.

Мы вышли сделали пару фотографий. И вдруг Элеонорой овладело неумолимое желание петь. И она запела, эхо подхватило её слова и понесло по туннелю, словно песнь ангелов. Она пела народную рождественскую песню птиц, *El cant dels ocells, Cançó de nadal*.

Al veure despuntar
el major lluminar
en la nit més ditxosa,
els ocellets cantant,
a festejar-lo van
amb sa veu melindrosa.

Видя, как это появляется
величайший свет
в самую счастливую ночь,
пение птиц,
Они собираются это отпраздновать.
своим нежным голосом.

Я присоединилась, и второй куплет зазвучал мощнее:

L'ànguila imperial
se'n vola cel adalt,
cantant amb melodia,
dient: Jesús és nat,
per treure'ns de pecat
i dar-nos alegria.

Имперский орел
Небо летит высоко,
пение с мелодией,
говоря: Иисус родился,
чтобы освободить нас от греха
и даруй нам радость.

Звук был фантастический, ни в соборе святого семейства, ни в одном другом храме, не звучать так человеческому голосу, как тут в сердце горы. В середине двадцати четырех с половиной километрового туннеля. Тейя снимала на телефон, надо будет выложить это видео. Ларс зачарованно смотрел на Элеонору. Всё этому моряку не спастись, крепко его сковали чары любви морской сирены. Говорил старик Одиссей, не плавай на остров в средиземном море. Шучу. Песня в туннеле произвела на всех неизгладимое впечатление, гусиная кожа, от мурашек лихорадило. И вдруг впервые в жизни, я действительно поверила, что Бог есть, и он совсем близко. Несмотря на все ужасы, которые происходят сейчас в мире.

Мы сняли маленький рыбацкий домик во Фламе с потрясающим видом на фьорд. Да, это вид с открыток, два больших окна, а внизу как на ладони пристань и вода между скалистых гор. И конечно же, Рождественские звезды в каждом окне.

— Фьорды, как и пляжи Менорки считаются памятниками природы под защитой UNESCO — с гордостью сказал Ларс.

— Кто бы сомневался, — не отрываясь от зарисовки скретча в альбоме, согласилась Элеонора.

Вечером мы спустились к берегу. Ларс забронировал для нас понтонную сауну. Сауна на плоту прямо во фьорде. Хорошо, что мы захватили купальники, но купаться в минус пятнадцать во фьорде глубиной в сотни метров, а местами больше километра, мы точно не планировали.

— Ох, наконец, моя задница отогрелась, и я тоже в первый раз в Норвегии не мерзну! — смуглое упругой тело Элеоноры покрылось потом.

Тейя подлила воды из ковша на камни, и клубы пара с шипением устремились к потолку, а потом поползли вниз.

— А мне уже даже жарковато, — простонала я.

— Значит, пора освежиться. Идем, Нора, нырнем в фьорд. Тейя ты с нами? Элли, а ты готова? — Ларс выглядел моложе.

Я не могла поверить, но норвежцы вышли на мороз и спрыгнули с платформы. Только сейчас я увидела лестницу, по которой можно взобраться обратно. Они забежали в сауну. От покрасневшегося тела Тейи веяло прохладой.

— Ох, хорошо! Ты обязательно должна попробовать! — Тейя выглядела решительно и одухотворенно.

Была не была, я босая, скрещивая руки на груди, вышла на улицу, и тут же пожалела.

— Можешь просто спуститься по лестнице и всего лишь окунуться в воду. — посоветовала подруга.

— Пожалуй, так я и сделаю. Боюсь, что ногу от холода сведет и пойду ко дну.

Погружаясь в ледяную воду, забыв дышать, я вдруг поняла, что в воде теплее, чем на улице. И не удивительно, вода определенно выше нуля, хоть и всего лишь на какую-нибудь сотую градуса. Но температура воздуха минус пятнадцать.

— Дыши, расслабь мышцы, сейчас станет хорошо, — учила моя опытная северянка.

И вдруг словно тысяча иголок пронзили мою кожу, приятно пощипывало и покалывало. Я не могла объяснить даже самой себе, почему мне так хорошо от этого варварского обычая, истязательства над телом даровало мне наслаждение. Мозг распирало от новых ощущений, эмоций и информации. Элеонора с разбега прыгнула в фьорд. И как истинная Венера вышла из воды прекрасная и женственная. Эх, ну и влип же Ларс.

Переродившись в ледяных водах фьорда, мы отправились в туристический район и решили отужинать в ресторане викингов. Трудоемкая резьба по дереву, выполненная на стульях и стенах, поглотила полностью мое внимание, головы драконов, высеченные руны. С выбором было просто, курс меню, или мы с Теей могли взять бургеры из детского меню. Я изрядно проголодалась, поэтому с огромным удовольствием быстро проглотила закуску. Элли, как ласково придумал называть маму Ларс, решила попробовать напиток викингов медовуху. Медовое вино. Ларс заказал рюмку

джина, который как оказалось делали тут же. Мы обсуждали планы, где и кто будет жить. Спросили меня желаю ли я переехать жить в Норвегию, или может быть Тейя хочет переехать в Испанию. Ларс и Элли для начала решили жить 62.5/37.5 (по мнению Элеоноры, и Ларс с ней в этом согласился, так честнее, чем 50/50, потому что женщины получают в среднем за ту же работу на 25 процентов меньше, чем мужчины), полгода тут, полгода там. Сложность заключалась в наших школах.

— К счастью и у меня, и у Норы есть бабушки и дедушки, мы можем доучиваться в своих школах. Путешествующая семейка. Хорошо, что Менорка и Норвегия в одном часовом поясе. — разумно заключила Тейя.

— А вы уже назначили день свадьбы? И где вы будете её справлять? — спросила я.

Элеонора и Ларс переглянулись:

— Мы не хотим ничего грандиозного. Скромно отпразднуем вчетвером. А где мы пока не решили? — ответила мама.

— А зачем вам эти формальности? Зачем вам свадьба? Вы не могли так же жить без супружеского сертификата? Элеонора никогда не была замужем. И ты жил с мамой 15 лет и не думал жениться, — вдруг вспыхнула Тейя.

Это вопрос давно терзал её и сейчас с гневом и злостью вырвался наружу.

— Это не правда Тейя, я делал предложение Иде трижды, она их не принимала, — пристыженно признался Ларс, он уже чувствовал, что вихрь женский недопониманий сейчас его засосет. Что, успокоив Тейю, он вызовет негодование Элеоноры. Но мама оставалась спокойна:

— Тейя, милая, никто не похитит твоего папу, он навсегда твой отец. Но ты и Нора, скоро окончите школу, а мы хотим встретить старость не в одиночестве, а с человеком, которого действительно любим, который вдохновляет. Чем старше мы становимся, тем реже люди могут испытать такие сильные чувства. А что они оказались взаимными, это божье благословение. Удача Вселенского масштаба. Карма. Тебе не кажется, что твой папа заслужил быть счастливым?

— Я наелась и устала, можно пойти в домик? — пристыжено спросила разрешения Тейя.

Ларс кивнул.

— Прости пап, я рада за вас. Гормоны, наверное, — бросила она, резко встала, скрипнув ножками стула по полу.

— Подожди, я с тобой, — я поцеловала маму в щечку.

— Спасибо за прекрасный день. Всё очень замечательно. Просто ваша помолвка была большим сюрпризом для нас. Нам нужно время переварить, — объяснила я.

— Конечно, все ок, — согласился Ларс.

Qui no arrisca, no pisca. Кто не рискует, тот не ловит. Вспоминала я каталонскую поговорку. Ларс рискнул, теперь время ловить.

С НОВЫМ ГОДОМ

Пару дней мы неспешно провели в маленьком городке на фьорде. А двадцать девятого прилетели Игорь и Илья, мы договорились встретиться в Осло и провести в столице пять дней. Встретить Новый год, и проводить нас. Наш рейс в Барселону, который вылетал второго января. Родители были не против. Решили разделиться молодые сами по себя, влюбленные старикашки сами. Как тогда в Барселоне. А потом встречаемся все в отеле. Тейя составила тщательный план по посещению достопримечательностей. Куда входил национальный музей искусств, музей арктических экспедиций с кораблем Фрам и музей Мунка. Норвежского художника, который нарисовал знаменитую картинку «Крик». Помните, оранжевое небо, мост, и привидение кричит. Оказалось, в этом музее храниться целых три копии этой картины. Две выполненные маслом и одна пастелью.

По пути мы заехали в кафе, мы с мамой попробовали знаменитый рыбный суп в сливочном бульоне, Тейя взяла сосиски, Ларс баранье ребро с картошкой. Когда Ларс попытался сам расплатиться, Элеонора, потрясывая вытянутой рукой с картой перед носом официантки, нервно заорала: «Split!»

— Разделить счет, Ларс. Мы же договаривались, — Элеонора попыталась сгладить углы.

— Да, без проблем, вылетело из головы, для меня это не так принципиально, — виновато пробубнил он.

Я вспомнила, как часто Илья угощал меня пиццей или мороженым. И я не задумываясь, принимала угощения в дар, с радостью благодарила. Ведь

мой папа часто угощает меня тоже. Может быть, я слишком легкомысленна, что бы сказала мама, если бы узнала об этом. Это же её базовые принципы феминизма, равноправия. Ведь еще в семидесятых годах прошлого столетия у испанских женщин не было никаких прав. Замужним женщинам запрещалось работать. Их не разрешалось управлять автомобилем. Без разрешения мужа или отца нельзя было открыть собственный счет в банке, выехать за границу, пойти учиться. Жена обязана была слушаться мужа во всем. А измена расценивалась, как уголовное преступление. Вот почему испанские женщины так яростно продолжают бороться за свои права. «Это не я сделана из твоего ребра, это ты родился из моей вагины» — популярный лозунг на феминистских митингах.

Ролик с полярным сиянием и песня в туннеле завирусились, и собрали уже почти миллион просмотров. Я поверить не могла, листая длинную ленту оповещений. Комментарии, лайки, просмотры переваливают за сотню, тысячу, десятки, а потом и сотни тысяч. Я получила сообщения от одноклассников. «Нора, ты путешествуешь по Норвегии? Круто. Как приедешь, позвони, сходим в кафешку,» — писала Надия. Мы дружили в начальных классах. А потом она отдалилась, называя за глаза, нас с Леной фриками, а Мигеля брата близнеца Лены, педиком, потому что он таскался всегда с нами. Хотя, где логика, гей бы предпочел общество парней, а не нас. Верно? Ролики с Меноркой тоже динамично начали набирать просмотры. Под ложечкой защекотало, разве я не хотела стать популярной? С одной стороны да, но с другой, моя жизнь стала такой разнообразной и счастливой, что я не нуждаюсь в чужом одобрении и внимании. Конечно, лайки и просмотры тешат самолюбие, но я не желаю превращаться в раба контента. Мне жадно хочется жить мою маленькую жизнь.

— Слава может стать отличным трамплином, — рассуждала Тейя.

— Надо придумать, вдруг ты сможешь как-то это монетизировать?— у моей сводной сестры явно присутствовала предпринимательская жилка.

— Что бы мы не перессорились, нужно обсудить твой процент сразу, — добавила я.

— Разумно, — согласилась Тейя.

Города Норвегии на первый взгляд не такие оживленные и многолюдные как испанские. Но снег расчищается, люди ходят по тротуарам, машины ездят по дорогам, природные особенности не останавливают жизнь

человеческого муравейника. А если зайти в магазины, кофейни, галереи, музеи, они будут наполнены.

Мы договорились встретиться с нашими парнями у вокзала. Рельсы исполосовали Норвегию вдоль и поперёк, и поезда остаются популярным видом транспорта. Из Осло ходит поезда во Флам, причем дорога вдоль гор и водопадов невероятно красивая. В одном участке пути поезд поднимается по краю скалистого обрыва на рельсах, держащихся на балках, вбитых в камень. Ребята добирались с аэропорта до города на электричке.

Мы обсуждали с Теей наши школы, реально ли кому-то из нас все-таки переехать и жить всем вместе. Я рассказывала про барселонскую школу детей дипломатов, там все обучение проходит на английском. Это частная школа, учиться там могут все желающие, но название в народе осталось прежним, потому что создавали её для детей дипломатов. Тейя, кажется, заинтересовалась.

За спиной раздались звуки быстрых приближающиеся шагов, и вдруг кто-то обхватил меня за талию.

— Как я соскучился, — прошептал мне на ухо... Игорь.

Моё тело окаменело, я замерла, как парализованная. Тейя стояла напротив с вытаращенными глазами, в таком же оцепенении. Наконец, самообладание вернулось, и я начала вырываться.

— Отпусти, — закричала я, напугав прохожих, которые озабоченно оборачивались.

— Тихо, тихо, мы всего лишь пошутили. Хотели узнать распознаете вы подмену или нет, — засмеялся Игорь.

Илья виновато пожал плечами.

— Придурки, вы же разные, голос, привычки и внешне. Первый раз, не зная, что у Ильи есть брат близнец, а это не такая уж и частая вещь, хочу заметить, можно было бы вас спутать, но мы же с вами встречаемся уже полгода, — возмущалась я.

— Да, согласен, это было жутко глупо. Но мы поспорили, я знал, что подмену вы распознаете, а Игорь хотел проверить, — Илья обнял меня, и через дутую куртку, свитер, перчатки, все равно побежал ток.

— Простите пожалуйста, — Игорь присел и умоляюще вытянул сложенные ладони. В глазах Теи не было ни капли обиды на эту тупейшую шутку.

Она положила руки на плечи Игорю, и они поцеловались прямо по среди улицы. И мы, недолго думая, решили последовать их примеру.

Первым делом мы отправились в национальный музей искусств. Мы не знали, каким маршрутом гуляют Элеонора и Ларс, но надеялись с ними не пересечься. Тейя была в музее уже в третий раз, и неплохо справлялась с обязанностью экскурсовода. Водила нас по залам, рассказывала, что запомнила со школьной экскурсии.

Меня впечатлили норвежские художники, местные пейзажи, укутанные туманом, серое небо, зеленая трава или зимние картины точь-в-точь, как в Шушоне. Целоваться в музее было некультурно, и Игорь быстро утомился.

— Я могу долго гулять по музею только на допинге. Твои поцелуи Тейя лучший допинг для меня. — подшучивал он.

Мы с Теей хихикали, какие глупости. По программе — следующим музей Мунка, но парни сказали, что столько картин за день они не вынесут. И мы отправились во Фрам музей, изучать историю экспедиций к северному полюсу. И тут уже мальчиков было не узнать, а они останавливались у каждой таблички, лазили по кораблю вечно, мы уже пересмотрели все товары в магазинчике сувениров, а их все нет. Наконец, Тейя подошла к Игорю и сказала:

— Это увлекательный музей. Супер познавательно и интересно. Но без допинга я больше тут не могу!

Он, кривляясь, вытянул губы трубочкой, но Тейя, рассмеявшись, добавила:

— Мой допинг — это пицца!

Детское ребячество рассеялось. Илья и Игорь снова стали спокойными и рассудительными. Мы поели пиццу в уютном кафе недалеко от отеля. Братья остановились там же. Проводили нас до номера. Перекинулись вежливыми вопросами с нашими родителями. И попрощались до завтра. Ноги гудели, перед глазами крутились просмотренные шедевры, не прошло и пары минут, как голова коснулась подушки, как я отправилась в мир грез. Последней восточкой из этого мира было тихое сопение спящей Теи.

В канун нового года мы всей нашей международной сборной: два норвежца, две испанки и два белоруса близнеца отправились в гости к семье кузены Ларса Бьёрг. Бьёрг с мужем Йоргеном и сыновьями Нильсом и

Хенриком живут на северной окраине Осло. Родственники Ларса поздравляли наших родителей с помолвкой, расспрашивали меня и маму обо всем на свете. Интересовались, где мы все будем жить после свадьбы. Одним словом, беседа велась оживленная, все чувствовали себя раскрепощенно и спокойно несмотря на то, что Илью пришлось долго уговаривать пойти с нами в гости.

После застолья мы пешком отправились в Хомельхомен к знаменитому лыжному трамплину, который я видела на открытках и магнитиках в сувенирных магазинчиках «Way Nor».

— Мы будем кататься ночью на лыжах? — удивилась я.

Ларс с Теей добродушно рассмеялись.

— Нет, в новогоднюю ночь там потрясающий вид, весь город, как на ладони. Будет любоваться новогодним салютом. — пояснила Бьёрг.

Мы купили пару коробок с фейерверками в фургончике около продуктового магазина «Киви».

Как стемнело со всех сторон люди принялись запускать фейерверки. Ближе к полуночи частота взрывов становилась чаще. Мы выбрали место недалеко от статуи Тrolля. Вид на город оттуда открывался потрясающий. Можно было разглядеть и авангардное здание музея Мунка, и покатую крышу оперы. Фьорд тянулся к горизонту. Ларс с Йоргеном установили коробки, и поглядывая на часы, готовили спички. Бьёрген раздала всем по длинному бенгальскому огню, мамин зажегся, заискрился первым, и как олимпийский огонь она раздавала его остальным.

Илья погрузился в свои мысли, стоял тихий и очаровательный, соежка покусывая губы, крепко сжимал мою руку.

— О чём ты так сосредоточенно думаешь? — спросила я тихо.

— Я думаю, хорошо жить в мирной демократической стране, где люди радуются грохоту взрывов, потому что это салют. Но есть люди, которые до конца своих дней при звуке фейерверков, будут сжиматься от панического страха, потому были свидетелями взрывов, — его глухой голос дрогнул, он поправил очки. Обнял меня за плечи...

Ровно в ноль-ноль одновременно взлетели в небо тысячи ракет. Они свистели, хлопали и громыхали, заполняя все воздушное пространство над городом яркими вспышками. Громадные бутоны звезд раскрывались и затухали. Разноцветные светящиеся шары спиралью взвивались вверх. Праздничный салют был по всюду, куда бы я ни повернулась. А ведь за

каждым фейерверком стоят люди, которые купили и запустили его. Весь город сейчас на улицах, запускает ракеты, радуя себя и друг друга. Нас так много. И мы все хотим быть счастливыми в новом году. Мы хотим, чтобы мир стал добрее и справедливее, свободнее и милосерднее. Чтобы люди были более открытыми и дружелюбными, ведь мы вместе путешествуем во Вселенной на нашей живой планете! Мы все в одной лодке. Мы такие разные и так похожи одновременно. Я смотрела на одухотворенные лица дорогих моему сердцу людей, свет огней выхватывал их из темноты ночи, и мне было хорошо просто от того, что они рядом.

— Happy New Year! — крикнула я.

— Happy New Year! — ответил мне хор знакомых и незнакомых голосов.

15 марта, 2025, г. Хебер штат Юта

